

ХИМЕРА

НАЧАЛО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

MIRA VEST

18+

Mira Vest

Химера. Начало

<https://litres.ru/74353263>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Доверие — это роскошь, которую я больше не могу себе позволить».

Киара Колин думала, что худшее в её жизни уже произошло: гибель родителей, тяжелое детство под опекой сурового старшего брата. Теперь она — успешный руководитель в мире мужчин, где слабость карается смертью.

Но когда военный мегаполис Броумверт содрогается от взрыва секретной лаборатории, привычный мир рушится за одну ночь. Спасение приходит в лице Майкла - капитана спецотряда и человека, который обещает защитить её любой ценой. В разрушенном бункере посреди Черного леса, отрезанные от цивилизации, они должны выжить среди зараженных и психопатов, продавших души дьяволу.

Однако самый страшный враг прячется не снаружи. Он скрывается за теплыми объятиями, успокаивающим шепотом и ложью во спасение.

Чтобы спасти ей жизнь, он украл её правду. И теперь у неё остался только один вопрос: кого бояться сильнее - монстров за стальной дверью или того, кто спит рядом?

Содержание

Пролог	4
Глава 1: Иллюзия контроля	7
Глава 2: Асфальтовый дождь	20
Глава 3: Мясорубка	29
Глава 4: Родовое гнездо	37
Глава 5: Логово призраков	48
Глава 6: Кладбище иллюзий	58
Глава 7: Правило открытой двери	67
Глава 8: Маяк в темноте	77
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Химера. Начало

Пролог

Говорят, самое страшное оружие - это тишина. Не оглушительный взрыв, не вой сирен воздушной тревоги, а именно она - густая, звенящая пустота там, где секунду назад звучала жизнь. Я поняла это слишком поздно.

Предательство близких редко выглядит как нож в спину. Чаще оно приходит в виде спасательного круга, брошенного тебе прямо перед цунами. И ты благодаришь их за спасение, даже не понимая, что они просто вышвыривают тебя из эпицентра взрыва, чтобы спасти свои шкуры.

О предательстве знают не те, кого ударили ножом в темном переулке. О нем знают те, кто годами делил с палачом хлеб, постель и секреты, пока тот примерялся, куда нанести единственный точный удар.

Предательство - это всегда геометрия. Математика углов и расстояний. Оно никогда не приходит спереди. Фронтальный враг честен: он целится тебе в грудь, и у тебя есть шанс поднять щит. Настоящее предательство всегда бьет в спину, но еще чаще - под ребра, когда вы стоите плечом к плечу, глядя в одну сторону на общего врага. Это холод стали там, где должно быть тепло человеческой плоти.

Самое страшное в предательстве не боль. Боль можно

перетерпеть, переломать, выпить обезболивающее. Самое страшное - это **перепрошивка реальности**. В один миг мир, который ты считал константой, рушится. Ты смотришь на человека, чье лицо изучил до мельчайшей родинки, и понимаешь, что всё это время смотрел на безупречную маску. Все воспоминания подвергаются жесткой цензуре. Каждая улыбка, каждое «я люблю тебя», каждый спасенный из огня жест теперь пересматриваются через призму нового знания. И оказывается, что объятия были лишь способом удержать тебя на месте перед ударом. А слова о верности - просто сценарием хорошо поставленного спектакля.

Оно многолико. У него тысячи лиц, и самое жуткое из них - Лицо Долга. Это когда брат отдает тебя в руки врагов ради «высокой цели» или «спасения отряда». Когда любовь приносится в жертву стратегии. В этом нет злобы садиста, только холодный расчет патологоанатома. Тебе говорят: *«Я делаю тебе больно исключительно для твоего же блага»*. И эта ложь ранит глубже всего, потому что она требует от тебя благодарности за собственную казнь. Они крадут твое право на ненависть, заменяя его чувством вины.

Предательство выжигает доверие каленым железом. После него внутри остается вакуум. Пустота, которая воет сквозняком в разбитых окнах души. Человек начинает искать подвох везде: в протянутой руке помощи, в искреннем смехе ребенка, в утреннем солнце. Потому что однажды самый надежный якорь оказался петлей на шее. Доверие ста-

новится роскошью, которую выживший больше не может себе позволить. Мы начинаем любить бетонные стены больше, чем людей, потому что стена хотя бы предсказуема - она либо стоит, либо падает. Люди же склонны рассыпаться в пепел именно тогда, когда ты опираешься на них всем весом.

Но знаете, что самое парадоксальное? Предательство часто совершает самый сильный. Слабые духом боятся ответственности за чужую боль. На настоящее, масштабное предательство способны только те, кто умеет убеждать себя в собственной правоте. Те, кто строит целые философские системы вокруг своего малодушия. Им жизненно необходимо верить, что они - герои трагедии, вынужденные делать сложный выбор, а не обычные трусы, выбравшие легкий путь.

Что я знаю о предательстве? Я знаю, что оно пахнет домом. Оно звучит как родной голос. Оно выглядит как спасение. И когда оно наконец обнажает свои зубы, ты остаешься стоять посреди дымящихся руин своей жизни, понимая, что твой худший враг всё это время оплачивал половину счетов твоей квартиры.

Глава 1: Иллюзия контроля

Солнечный луч лениво полз по полированной столешнице моего нового стола - символа власти, за который я умираю пять долгих лет. Я сидела в глубоком кожаном кресле руководителя отдела продаж, медленно вращаясь из стороны в сторону и глупо улыбаясь самой себе. Тишина здесь была особенной - густой, дорогой, пахнувшей кожей, старым деревом и успехом.

Поверить не могу, что это случилось. Пять лет. Пять бесконечных лет я пахала как проклятая ради этой должности. Не спала ночами, глотая литрами остывший кофе, искала клиентов там, где их просто не могло существовать, закрывала сделки на грани нервного срыва. И вот теперь всё наконец-то дало плоды. Меня повысили.

Радость? Нет... Это слово казалось слишком пресным для того коктейля эмоций, что бурлил внутри. Когда наш генеральный директор на утреннем собрании громко объявил: «Именно Киара Колин достойна возглавить этот отдел», у меня внутри будто взорвалась хлопушка. Да-да, я буквально пищала от восторга, забыв про субординацию! Господи, я - Руководитель департамента в одной из крупнейших компаний по производству военной амуниции!

- Джеймс будет мной гордиться, - тихо прошептала я пустой комнате, машинально поправляя стопку бумаг перед со-

бой.

Мой старший брат. Капитан Джеймс Колин. Суровый командир спецподразделения, человек из гранита и стали. Именно он взял меня под опеку пятнадцать лет назад, когда наши родители разбились в той страшной аварии на скользком шоссе. Тяжелое было время. Боже, какие же тяжелые у нас тогда были отношения...

«- Опустит руки, Киара! Я сказал, выйди из-за руля!»

«- Ты мне не указ! Отстань, Джеймс! Ненавижу тебя!»

«- У тебя истерика. Сейчас ты успокоишься, а завтра мы поедим к нотариусу».

«- Я вас обоих ненавижу! Лучше бы я ехала с ними...»

Слишком много легло на его плечи: похороны, оформление опеки надо мной - тринадцатилетней девчонкой, которая сама стала огромной проблемой. Я кричала, сбегала из дома, прогуливала школу. Я вообще не была готова остаться без родителей. Не была готова жить со старшим братом, который вдруг превратился в тюремного надзирателя. Но Джеймс смог... Он обуздал мой несносный характер стальными перчатками, сумел направить кипучую энергию подростка в нужное русло. Помог получить образование, которое я возненавидела всей душой, пока оно не начало приносить деньги. Нашел мою первую работу - напрямую связанную с ним. Мои первые заказы и клиенты пришли именно из военных кругов его подразделения. Не знаю, кем бы я стала, если бы не он. Наверное, давно бы сломалась или исчезла в

трущобах Броумверта.

Я бросила взгляд на массивные часы на столе. Черт! Шесть вечера! Если сейчас же не уеду домой, Лекси снесет мне голову. Она терпеть не может необязательность.

- Так соберись, Колин, - сказала я своему отражению в темном экране монитора. - Не попадай под руку разъяренной подруги.

Подхватив кремовый пиджак и сумочку, я вылетела из кабинета. Спустившись скоростным лифтом с двадцать пятого этажа нашего стеклянного улья, я почти добежала до парковки, уже доставая ключи от машины. Холодный металл брелока обжег пальцы. Стоп. А где?..

- Дура! - простонала я вслух. - Телефон!

Пришлось возвращаться. Вздрыбленная, ругаясь сквозь зубы, я снова поднялась на свой этаж, схватила забытый смартфон со стола и только после этого ринулась вниз.

Домой я влетела только через час. Эти пробки когда-нибудь меня доконают. Я понимаю, Броумверт - огромный мегаполис, но куда вы все катитесь в пятницу вечером?! Город стоял намертво, превратившись в парковку стоимостью в миллионы долларов. Я хмыкнула своим мыслям и нервно засмеялась. О боже, я превращаюсь в Лекси. Начинаю ворчать, как старая миссис Ралли, наша соседка снизу, вечно жалующаяся на шум.

Лекси написала сообщение еще полчаса назад:

Лекси: *Ну че, начальница, корона не жмет? Мы столик*

заняли. Адрес скинула геолокацией. Ждем королеву или нам начинать праздновать с плебеями?

Я: Стою в пробке. Хочу убивать. Буду через час.

Лекси: Какой час? Дорогая, даю тебе сорок минут, через час я уже буду танцевать на барной стойке! Твоя задача меня остановить! Шевелись!

Подруга решила отметить мое повышение в каком-то новом модном баре в центре. И я не была против. Господи, да мы сто лет так просто не собирались без повода типа «День рождения» или «поминки моей личной жизни». Вызвав такси прямо из приложения, я побежала в ванную собираться. Вода смыла усталость дня. Уже через сорок минут я стояла в коридоре своей квартиры и смотрела на себя в зеркало во весь рост. Все как надо. Светлые волосы крупными локонами падали на плечи, легкий макияж подчеркивал серые глаза, капелька блеска делала мои пухлые губы еще более выразительными. Черная юбка-карандаш - строгая, но дерзкая, и любимая кремовая шелковая блузка, мягко струящаяся по фигуре. Классика, которая работает всегда. Я покрутилась возле зеркала, оценивая вид сзади. Да. Все именно так, как нужно. Элегантно, но с вызовом. Надела туфли на высокой шпильке, взяла маленький клатч и выскочила из квартиры. Нажимая кнопку вызова лифта, я слышала сигнал автомобиля внизу. Такси уже ждало. Вечер обещал быть громким.

Тяжелая дубовая дверь бара «Грендель» захлопнулась за моей спиной, отрезая меня от тихой улицы. На секунду я

оглохла, плотная стена басов ударила по ушам, заставив сердце пропустить такт. Внутри гудел улей: пульсирующий свет стробоскопов выхватывал из полумрака смеющиеся лица, воздух был густым от запаха духов, жареного бекона и пролитого пива. Я замерла на пороге, растерянно таращась в этот водоворот тел и музыки, пытаюсь среди десятков незнакомцев разглядеть знакомую темную макушку.

- Киа-ара! - перекрикивая гул, раздался звонкий голос со стороны барной стойки. Я резко обернулась. Лекси сидела на высоком круглом табурете, болтая ногой в красной туфле, а рядом с ней... Рядом с ней возвышалась фигура Джеймса. Он что-то говорил бармену, жестикулируя свободной рукой, и широко улыбался моей лучшей подруге.

И какого черта он здесь делает? Его не должно быть здесь. Ни сегодня, ни вообще в городе. Сердце пропустило удар, а затем забилося быстрее, но уже не от музыки. Холодок пробежал между лопаток. Я сжала кулаки в карманах кожаной куртки и двинулась сквозь толпу к ним. На моем лице сама собой растянулась та самая «сладкая» улыбка, которую Джеймс называл «предвестником апокалипсиса».

Брат заметил её первым. Он прервал разговор с барменом, прищурился, и его широкие плечи затряслись от беззвучного смеха.

- Бармен! Пиво сюда, живо! - крикнул он, опережая меня. - А то моя ненаглядная сестрица сейчас прикончит нас обоих прямо посреди этого приличного заведения!

- А собственно, что тут происходит?! - я нависла над ними, уперев руки в бока и переводя испепеляющий взгляд с одного заговорщика на другого. В этот момент передо мной с глухим стуком опустилась запотевшая кружка.

- Сюрприз! - Лекси всплеснула руками так, что едва не опрокинула свой коктейль. - Твой невыносимый братец любезно отменил все свои сверхсекретные дела, чтобы поздравить тебя с повышением лично!

- Да неужели? - я медленно повернулась к Джеймсу, задрав одну бровь до середины лба.

Мы оба знали правду. Дела моего брата перенести невозможно, особенно когда они связаны с погонами. И уж точно он должен быть где-то под Беришем, в грязи и холоде, а не пить крафтовое пиво в центре Броумверта в пятницу вечером.

- Что случилось? - Улыбка сползла с моего лица. Голос дрогнул, выдав тревогу. Я шагнула ближе, бесцеремонно схватила его за руку и принялась осматривать воротник куртки, шею, лицо - нет ли бинтов под волосами, пятен крови на ткани.

- Птаха, милая, всё хорошо, - мягко проговорил он, перехватывая мою ладонь.

Он сделал большой глоток, явно стараясь скрыть напряжение. Горло дерет сухость, поняла я. Я уткнулась носом ему в грудь, вдыхая родной запах - смесь морозного воздуха, оружейной смазки и того самого парфюма, который мы покупа-

ли вместе три года назад. Руки сами сомкнулись вокруг него в крепких объятиях.

- Я скучала, - тихо выдохнула я куда-то в складки его толстовки.

Месяц. Почти месяц тишины. В тот последний день он просто провожал меня домой после работы, как делал это сотни раз. Шутил про мой вечно холодный нос. А потом пискнула рация, изменилось выражение глаз, и через минуту только красные габаритные огни военного внедорожника растворились в тумане. Если их дергают вот так, значит кто-то стреляет и кого-то вызывают.

- Я тоже скучал, Птаха, - его губы коснулись моей макушки. Я мягко, но настойчиво высвободилась, делая шаг назад. Нужно держать дистанцию, иначе эмоции затопят окончательно.

- Ну началось... - театрально закатила глаза Лекси, прерывая наш момент. - Если бы я не знала, что вы родственники, подумала бы, что вы снимаетесь в рекламе дорогого мыла...

Договорить она не успела. Я молниеносно ткнула её локтем под ребра.

- Ай! Больно же! Всё, молчу-молчу, - потирая бок, засмеялась подруга своим заливистым смехом, от которого всегда становилось легче дышать.

Мы просидели там до глубокой ночи. Город явно погрузился в сон, сменив суету пятницы на ленивое похмельное утро субботы, а мы все говорили. Музыка стала тише, офи-

цианты начали ненавязчиво протирать столы. Лекси вытащила нас танцевать — сначала робко, покачиваясь в такт, а потом мы раскрепостились настолько, что втроем орали старые рок-хиты в караоке, пугая редких посетителей. Джеймс травил байки со службы, мастерски обходя острые углы, заменяя реальные названия операций смешными позывными вроде «Операция "Испорченный борщ"». Было тепло. Уютно. Словно натянул старый шерстяной свитер зимним вечером. Что еще человеку нужно для счастья? Только знать, что эти двое рядом. В последнее время такие вечера - редкость. Редкая роскошь. Лекси теперь большая шишка в издательстве, пропадает там сутками, правя чужие тексты, пока ее собственные мечты покрываются пылью. Мы созваниваемся каждый вечер, шлем глупые мемчики, но экран телефона никогда не заменит живого тепла плеча подруги.

Мы выросли вместе, делили одну парту, одни джинсы и один разбитый нос в седьмом классе. Когда сирены скорой помощи увозили остатки нашей семьи, именно Лекси жила у меня неделю, заваривая чай литрами и силой вытаскивая меня из-под одеяла. Она тянула меня из этой вязкой, темной

бездны, которая норовила поглотить заживо. Был период, когда мне казалось, что из них с Джеймсом выйдет отличная пара. Глупая была. Я даже пыталась сводничать, оставляя их наедине. Но Джеймс смотрел на нее исключительно как на младшую вредную сестру. Очередную ответственность, очередную душу, которую надо упаковать в вату и спрятать от мира. Он оберегал ее так же фанатично, как и меня. Мы обе знали: случись что — звонок, пять минут, и Джеймс будет здесь. Разберется с хулиганами, бандитами, налоговой инспекцией и сломанным краном. Наша каменная стена. Тот, за чьей широкой спиной можно отсидеться, пока шторм не стихнет.

Правда, иногда эта защита принимала странные формы. Как-то после неудачной попытки влиться в ночную жизнь клуба (где охрана почему-то решила, что блестящее платье Лекси - это униформа сотрудниц), нам пришлось отбиваться от троих пьяных мажоров. По счастливой случайности отряд Джеймса проводил рейд неподалеку. Вы бы видели лица тех парней, когда в клуб вошли шесть вооруженных амбалов во главе с моим разъяренным братом. После этого случая Джеймс записал нас обоих на годовичные курсы практической стрельбы и самообороны. До сих пор напоминает нам ту «вылазку», стоившую ему седых волос.

Когда такси увозило зевающую Лекси, небо на востоке начало сереть. Мы с Джеймсом решили пройтись пешком до дома - всего несколько кварталов вдоль набережной. Ночной

Броумверт пах остывающим асфальтом, озоном и речными водорослями. Вода в канале казалась густой и черной, отражая редкие фонари дрожащими бликами. Мы шли медленно, почти в ногу.

- Ничего не хочешь мне рассказать? - нарушила я уютную тишину, внимательно глядя на его профиль. Он нервно усмехнулся, потер щетину на подбородке.

- А я думал, удастся избежать допроса хотя бы до завтра. Думал, не придется оправдываться за ранний приезд.

- Не юли, - я остановилась и преградила ему путь. - Ты понимаешь, о чем я. Это не командировка выходного дня.

- Конечно понимаю, милая, - он попытался меня обнять за плечи, но я стояла столбом. - Всё хорошо. Тебе совершенно не о чем беспокоиться.

- Ты всегда так говоришь! - раздражение закипело внутри, выплескиваясь наружу. - Джеймс! Почему ты вернулся? Что случилось на самом деле?

Он вздохнул так тяжело, словно сбросил с плеч мешок цемента. Провел ладонью по затылку, взъерошив короткие волосы - верный признак крайнего напряжения.

- Ты ведь не отстанешь, да?

- Даже не надейся.

- Есть кое-какие трудности, - он отвел взгляд, всматриваясь в черноту воды. - Я не могу вдаваться в подробности, присяга и все такое. Но послушай меня очень внимательно. - он снова посмотрел на меня, и его серые глаза стали жест-

кими, колючими. - Ты должна держать телефон под подушкой. Всегда. Громкость на максимум. Я должен дозвониться до тебя в любую секунду, днем или ночью.

Воздух вдруг стал тяжелым, давящим. Веселье испарилось без следа.

- Всё так плохо?

- Пока не критично, - соврал он, потому что глаза кричали об обратном. - Но подстраховка лишней не бывает. Я сглотнула ком в горле.

Спрашивать дальше было бессмысленно. Если он начал говорить загадками и поминать связь - дело пахнет керосином. Он переживает, я вижу, как ходят желваки на его скулах, но не скажет. Будет беречь. Мы пошли дальше. Я смотрела на воду, слушая плеск волн о гранит и чувствуя его плечо рядом. Этого достаточно. Просто будь рядом еще немного.

- Птаха, - его голос прозвучал глухо. - Я уезжаю завтра. Снова.

Он сказал это так осторожно, будто боялся, что я закачу истерику прямо посреди моста. Скосил глаза, проверяя реакцию. В его взгляде мелькнуло что-то... Страх? Просьба? Я не успела разобрать, он мгновенно надел привычную маску спокойствия, выпрямил спину. Я лишь шумно вздохнула и опустила голову, пряча навернувшиеся слезы. Опять. Так скоро.

- Не переживай, родная, - он всё-таки притянул меня к

себе, крепко обнимая. - Всё будет штатно. Никакой пальбы, никаких геройств. Обычная рутина, туда-обратно.

- Хорошо, - прошептала я, цепляясь за ткань его куртки.

- Только звони мне. Иногда. Хотя бы иногда.

- Каждую свободную минуту, обещаю. Идем, замерзнешь.

Глава 2: Асфальтовый дождь

Утро началось не с запаха кофе, а с оглушительного грохота, от которого дрогнули стекла в серванте. Я подскочила на кровати, сердце ухнуло куда-то в пятки, забившись где-то в районе горла. Чертов Джеймс. Опять пытается загладить вину за свой внезапный отъезд кулинарным апокалипсисом.

Спустившись вниз минут через десять, я замерла в дверном проеме кухни, едва сдерживая смех. Это стоило увидеть. Наш большой, грозный военный - человек, способный собрать винтовку СВД с закрытыми глазами на время, - стоял посреди руин собственного завтрака. Весь, с ног до головы, обсыпан белой мукой, словно снеговик, попавший в песчаную бурю. Правая рука замотана бинтом так туго, что казалась деревянной, но он все равно пытался этой неуклюжей клешней переворачивать блинчик. Блинчик, к слову, уже превратился в черную, дымящуюся лепешку, намертво прилипшую к сковороде.

Вокруг царил первозданный хаос. Гора грязной посуды в раковине опасно накренилась, готовясь обрушиться водопадом прямо на пол. На кафеле блестела лужа пролитого молока, уходя под холодильник. А сам виновник этого бедлама тихо, почти по-звериному, бубнил себе под нос проклятия, пытаясь содрать расплавленный тефлон вилкой.

- Ты спалишь нам дом дотла, солдат, - мой голос прозву-

чал насмешливо, но внутри потеплело. Этот комок домашнего уюта был настолько неуместен в нашей жизни, что вызывал щемящую нежность.

Я прошла вперед, мягко, но уверенно оттесняя его плечом от плиты. Сковородка недовольно зашипела, когда я убрала ее с огня.

- Стой смирно. Принеси аптечку из ванной. Нужно обработать ожог. Это ведь ожог, да? Покажи руку.

Джеймс тяжело вздохнул, выключая конфорку. Мука посыпалась с его широких плеч на кафель белыми хлопьями.

- Не надо смеяться над инвалидом кухонного фронта, Птаха, - буркнул он, послушно протягивая мне забинтованную ладонь. - Я не привык готовить руками. На базе рацион стандартный, столовая. Там думать не надо.

- Инвалид скорее бытовой, - фыркнула я, доставая перекись из шкафчика. - Стоять смирно было сказано.

Через двадцать минут мы сидели за идеально чистым столом, я успела прибраться одной рукой, пока закипал чайник, и завтракали тем немногим, что удалось спасти. Ожог оказался поверхностным, хватило мази и плотного пластыря. Тишина стояла густой, вязкой, как смола. Она давила на перепонки сильнее любого звука. Я смотрела на спортивную сумку цвета хаки, сиротливо стоявшую у входной двери. Забытая вещь, которая ждала своего хозяина.

- Когда ты уезжаешь?

Джеймс проследил за моим взглядом. Он медленно вытер

губы салфеткой, расправил плечи, будто сбрасывая невидимый груз домашней жизни, который всегда тяготил его между заданиями.

- Через десять минут. Бред написал, что будет ровно в семь сорок. - Он машинально посмотрел на свои тяжелые армейские часы. - Уже семь тридцать пять.

Я молча кивнула и сделала глоток обжигающего кофе, пытаясь согнать липкий холод изнутри. Каждый раз это было невыносимо тяжело. Словно тупым ножом отрезаешь кусок себя без анестезии. Никогда не знаешь, сколько дней превратятся в недели или месяцы. И никогда, слышишь, *никогда* нельзя быть уверенной, что этот железный человек вернется целым. Я шумно выдохнула, пытаюсь вытолкнуть ледяные тиски предчувствия, сжимающие горло стальным обручем.

- Джеймс... Мне кажется, случится что-то плохое. Очень плохое, - слова вырвались сами, тихие и жалкие, обнажающие ту маленькую девочку, которой я была внутри.

Он мгновенно изменился в лице. Вся домашняя расслабленность слетела, осталась только сталь во взгляде хищника, чующего угрозу стае. Он обошел стол и крепко, до хруста костей, обнял меня.

- Птаха, оставь панику, - его голос стал низким, приказным, как для новобранцев перед боем. - Всё будет штатно. Я скоро вернусь, обещаю. Даже соскучиться не успеешь.

На улице требовательно прогудел автомобильный клаксон. Один короткий, резкий сигнал. Мы вышли на крыльцо.

У калитки ждал черный внедорожник, похожий на хищного жука. Из окна высунулся Бред - сосредоточенный, выбритый до синевы, глаза сканируют периметр. Мы обнялись с братом напоследок. Крепко, отчаянно, зная, что следующего раза может не быть. Джеймс поцеловал меня в макушку, вдохнул запах моих волос, прошептал *«Береги себя»* и легко запрыгнул в салон. Дверь хлопнула слишком громко, отрезая его от моего мира. Машина сорвалась с места, увозя часть моей души туда, где стреляют.

Все выходные прошли в вакууме. Квартира давила тишиной, ставшей вдруг тяжелой и враждебной. Никуда не хотелось выходить, даже шторы были плотно задернуты, отсекая серый свет ноября. Лекси названивала каждые три часа, пытаясь шутить, скидывала мемы с котами, заказывала пиццу на мой адрес, зная, что сил встать нет. Она понимала. Ведь Джеймс был старшим братом и для нее тоже. Но она сильная, моя Лекси. Она никогда не покажет страх первой.

Понедельник начался с катастрофы. Будильник я просто не услышала. Тревога выла внутри диким зверем всю ночь, выпивая все силы, поэтому организм сдался только под утро, провалившись в тяжелый свинцовый сон. В итоге я проспала всё на свете. Пока я металась по дому, роняя зубную щетку и путаясь в рукавах блузки, телефон вибрировал где-то в сумке. Три пропущенных от Лекси. Ладно, перезвоню из офиса, сейчас бы успеть...

Но офис встретил меня не привычным гулом кофемаши-

ны и болтовней коллег о выходных, а звенящей, истеричной какофонией. Коридоры кишели людьми. Кто-то плакал навзрыд у кулера, кто-то орал в трубку телефона, секретарша Мэри неслась по коридору с таким лицом, будто увидела призрака босса с его собственной головой в руках.

- Мэри! - я поймала ее за локоть, останавливая этот безумный полет. - Что происходит?! Где шеф?! - Девочка-секретарь посмотрела на меня пустыми, расширенными от ужаса зрачками.

- Киара, ты с Луны свалилась? Новости вообще открываешь?

- Какие новости?! - раздражение вспыхнуло мгновенно. - У меня фен сломался, я чуть пожар не устроила, отвечай!

- Сегодня ночью «Призму» взорвали, - выпалила она одним духом. - Лабораторию в Ламере. Ее больше нет. Полгорода... там просто лунный пейзаж теперь. Взрывная волна дошла до окраин Броумерта!

Она вырвала руку и убежала, оставив меня стоять с бешено колотящимся сердцем. Воздух вдруг стал густым, им невозможно было дышать. Ламер. «Призма». Фармакология. Исследования. Медикаменты. Город-спутник, снабжающий половину штата вакцинами... И тут ледяной иглой в мозг

вонзилось осознание. Специфика работы Джеймса. Его отряд всегда работает по контрактам повышенной опасности. Они первыми заходят в зоны техногенных катастроф. Господи... Нет.

Руки дрожали так сильно, что смартфон выскальзывал из пальцев, покрытых липким потом. Набрать номер. Гудок. Еще один. Третий. Механический женский голос сообщил, что абонент недоступен.

- Да чтоб тебя! - я с силой провела ладонью по светлым волосам, оставляя красные полосы на коже от впившихся ногтей. - Давай, братишка, бери трубку. Умоляю. Снова набор. Абонент вне зоны доступа сети.

Весь оставшийся день офис напоминал разбуженный улей перед бурей. Никто не работал. Люди кучковались вокруг смартфонов, листая ленты новостей, передавая друг другу слухи страшнее предыдущих. Кадры оттуда вызвали тошноту: скрученные в спираль металлические балки, клубы черного дыма, закрывшие небо, остовы машин, припечатанные к стенам ударной волной. Это не авария. Это целенаправленный удар. Они знали, куда бьют. И зная характер задач Джеймса... Они наверняка были там. Или едут туда прямо сейчас. Черт! Черт-черт-черт! Ну почему он меня не послушал?! Говорила же ему, кожей чувствовала, что отпустить его нельзя!

Я остановилась посреди кабинета, перестав мерить шагами дорогой ламинат. До меня вдруг дошло другое, еще более

страшное понимание. Он знал. Он знал, что едет на бойню. Поэтому вчера вечером был такой нервный. Поэтому прижимал крепче обычного, вдыхая запах моих волос, словно пытаюсь запомнить. Дерьмо. Какое же бесконечное, всепоглощающее дерьмо.

Нужно позвонить Лекси. Хоть чей-то голос должен быть нормальным. Телефон снова обжег пальцы. Гудок. Второй.

- Алло? Киара? - голос подруги звучал глухо, сквозь помехи связи. - Боже, ты видела? Ламер... Это какой-то фильм ужасов. Ты как там?

- Лекси... - Я попыталась сглотнуть, но ком в горле встал намертво, мешая дышать.

- Киара, что? Что случилось? У тебя голос мертвый.

- Джеймс... - имя застряло сухим першением. - Он не берет трубку. Я звоню десятый раз. Лекси, ты же знаешь их правила. Если бахнуло рядом с объектом, они первые в списке спасателей. Они уже выдвинулись. Они уже...

- Господи, милая, дыши, - перебила она, стараясь говорить твердо, хотя я слышала, как дрожит ее подбородок. - Не накручивай. Связи может не быть. Сети легли после взрыва. Он обязательно перезвонит, как только выберется из эпицентра, вот увидишь...

Ее слова оборвал звук, который невозможно описать. Это не было похоже на взрыв петарды или бытового газа. Это был низкий, утробный рев самой земли, которая решила расколоться пополам. Здание вздрогнуло, как карточный домик

на сквозняке. Меня швырнуло вперед, прямо на стеклянную столешницу. Раздался оглушительный звон - это лопнули панорамные окна моего кабинета, осыпаясь внутрь алмазной крошкой. Инстинкты сработали быстрее мозга. Кувырок назад, под массивный дубовый стол. Закрыть голову руками. Крики в коридоре перешли в ультразвук. Визг тормозов на улице. Темнота.

Глава 3: Мясорубка

Слух вернулся не сразу. Сначала сквозь плотную вату пробился низкий гул, от которого вибрировали зубы, а затем — звон осыпающегося стекла. Первые часы после взрыва казались дурным сном, дешевым монтажом. Мозг отчаянно цеплялся за привычную реальность: сейчас раздастся голос режиссера *«Стоп! Снято»*, мы все вздохнем, кто-то принесет кофе, и я пойду отмывать искусственную кровь с рук. Но запаха бутафории не было. В нос бил едкий, химический смрад гари, смешанный со сладковатым металлическим привкусом крови.

Наше здание словно пропустили через мясорубку. Коридор превратился в полосу препятствий из перевернутых столов и поваленных стальных шкафов. Их дверцы распахнулись, выплюнув на пол белые кишки документов. Выбитые панорамные окна ощерились стеклянными клыками. Окровавленные люди метались в густом облаке белой пыли, как слепые насекомые. Они ничего не видели перед собой, сталкивались лбами, спотыкались о чьи-то сумки. Кто-то бился плечом в заклинившие створки лифта, оставляя на нержавеющей кровавые разводы. Кто-то, расталкивая женщин, ломился к лестнице. Господи, еще утром эти выглаженные, благоухающие дорогим парфюмом джентльмены отвешивали мне комплименты у кулера и звали на капучино... Сейчас

же они превратились в озлобленных зверей.

Я видела собственными глазами, как мужчина в перешагнул через милостивую девушку из бухгалтерии, которая лежала на полу, зажимая разбитое колено. Он даже не посмотрел вниз, просто оттолкнул её локтем, лишь бы первым вырваться из этой бетонной ловушки.

Я осталась стоять в проеме своего кабинета, прижавшись спиной к косяку. На секунду прикрыла глаза, заставляя легкие впитать хоть немного чистого воздуха. Ад. Настоящий ад. *«Спокойно, - прошептала я себе под нос. - Это задело только взрывной волной. Нашу башню не брали штурмом».* Спасибо Джеймсу. Мой старший брат вбил это хладнокровие в меня ударами ремня по голениям и многочасовыми инструктажами в подвале нашего старого дома. *“Не паникуй. Оценивай угрозу трезво. Если потолок над головой цел - ты в безопасности.”* Потолок был цел. Стены стояли. Мне ничего не угрожало прямо сейчас. А значит, лучшая тактика - переждать первый час истерии здесь, сидя на кожаном диване для посетителей.

Когда вой сирен снаружи начал сливаться в один нескончаемый комариный писк, а топот ног стих, я решила выйти. Лифт? Даже не смешно. Мы с Лекси пересмотрели слишком много фильмов-катастроф, чтобы доверять железным коробкам в моменты обрушения конструкций. Только лестница. Каждый шаг отдавался тупой болью в коленях.

На улице оказалось хуже. Гораздо хуже. От взрыва постра-

дал не один квартал - казалось, ударная волна слизнула лица с доброй половины зданий района. Перевернутые машины напоминалидохлых насекомых. Витрины магазинов зияли пустыми пастями, внутри истошно выла сигнализация. С фасадов висели рваные куски штукатурки. Но всё это были мелочи, картонный фон.

По-настоящему страшно стало, когда я посмотрела на людей. Раненых было очень много. И тех, кому уже нельзя было помочь... Крики оглушали, били по барабанным перепонкам тяжелыми молотами. Женщины рыдали в голос, прижимая к груди окровавленный ворох одежды. Мужчины сидели на асфальте, раскачиваясь взад-вперед и глядя в никуда. Воздух дрожал от предчувствия чего-то непоправимого, начала какой-то чудовищной, кровавой жатвы.

Пока я стояла в ледяном оцепенении, разглядывая этот хаос, телефон в руке едва не подпрыгнул от вибрации. Взглянула на экран и шумно выдохнула. Джеймс.

- Какого черта ты не берешь трубку?! - прокричала я, нажимая кнопку ответа. Голос сорвался на визг, горло саднило.

- Тише, Птаха. Чего орешь? Все хорошо.

- Да ни хрена не хорошо, Джеймс! - ярость плеснула кипятком, обжигая изнутри.

- Я в порядке. У нас тут всё идет в штатном режиме. Так, стоп... - его тон резко изменился, бархат сменился сталью. - Что там у тебя происходит?

- Серьезно? Ты спрашиваешь, что у меня происходит?!

- я почти задохнулась от возмущения, оседая на капот ближайшей покореженной машины. - В паре кварталов от моего офиса рвануло что-то такое, что землю потрянуло! Здесь гребаная мясорубка, понимаешь?! Мясорубка!

- Дерьмо, - тихо, почти беззвучно прошипел он. - Значит так, слушай сюда. Бери Лекси и валите в загородный дом. Прямо сейчас. Никуда не заезжай. Ни с кем не разговаривай. Поняла? Даже если будешь проезжать мимо приюта, где отдают даром щенков-лабрадоров - никого с собой не брать! Ты меня поняла?! - Джеймс, но...

- Я ещё раз спрашиваю. Ты. Меня. Поняла? - Воздуха вдруг перестало хватать. Я сглотнула вязкую слюну.

- Да. Хорошо. Я поняла. Набираю Лексу.

- Отлично. Как будете на месте - закройтесь. На все замки, включая засовы. Из дома - ни ногой. Никого не впускать. Жди, когда я наберу. Усекла?

- Да, - шепотом выдохнула я и сбросила звонок, чувствуя, как мелко дрожат пальцы.

С Лекси мы встретились через час возле здания издательства. Она выглядела бледной, но собранной - натянула капюшон толстовки чуть ли не на нос. Я не стала ничего ей объяснять по телефону, бросила сухое: *«Джеймс объявился. Велел ехать в загородный дом»*. Моя подруга научена тем же горьким опытом, что и я: спорить с моим братом бесполезно, особенно когда вокруг начинается чертов армагеддон.

Первые двадцать минут пути прошли в тишине. Подруга

переваривала произошедшее, нервно постукивая ногтями по приборной панели. Но мы же понимаем: Лекси долго молчать физиологически неспособна. В стрессовых ситуациях у нее открывается второе дыхание на болтовню.

- Куда мы премся посреди бела дня? - наконец не выдержала она, пытаясь включить кондиционер на максимум. - У меня ужин не разморожен вообще-то.

- Джеймс так сказал, - ровно ответила я, всматриваясь в зеркало заднего вида.

- Черт! - вспыхнула она, но тут же сбавила обороты. - Прости. Это стресс. Нервное. Я понимаю, что ты сама бы до такого маразма не додумалась.

- Что-то происходит, - призналась я, сжимая руль до побелевших костяшек. - Но он мне ничего не объяснил. Не было, знаешь ли, времени вести светскую беседу посреди этого ада. Сказал взять тебя, сесть в машину и гнать в дом. Нигде не останавливаться. Никого с собой не брать.

- Даже того парня с плакатом «Конец близок»? - криво усмехнулась Лекси, пытаясь разрядить обстановку.

- Особенно его. А дальше нам нужно закрыться на пятьдесят замков, как двум принцессам в высокой башне, и ждать, пока принц на черном вертолете прилетит нас спасти, - нервно хихикнула я. Напряжение между нами слегка отпустило, плечи подруги опустились на пару сантиметров.

Следующий час прошел подозрительно гладко. Мы выбрали на оживленную трассу, ведущую прочь от города,

и теперь просто молчали. Лекси безуспешно крутила ручку радио - эфир шипел помехами или транслировал какую-то бессвязную попсу. Я смотрела в окно. Мимо пролетали такие же перепуганные машины. Дети жались лицами к стеклам, ничего не понимая, но инстинктивно чувствуя родительский страх. Кто-то вез собак на переднем сиденье, кто-то держал в руках переноски с кошками. Видимо, не только мы решили убраться подальше от эпицентра.

Где-то километрах в сорока от черты города асфальт впереди потемнел от плотной массы машин. Скорость упала до пешеходной, а потом мы окончательно встали.

- Всё, приехали, - процедила Лекси. - Пробка мертвая.

Я заглушила двигатель. Нужно понять масштаб проблемы. Вышла из внедорожника, сделала пару шагов к обочине, хрустя гравием. Впереди, метрах в ста, воздух дрожал от зноя. И вдруг оттуда, разрывая эту тягучую тишину, раздался вопль. Молодой парень лет шестнадцати, в съехавшей набок бейсболке, бежал навстречу потоку, размахивая руками:

- Валите отсюда! Там сейчас рванет! Валите!!!

Он промчался мимо, чудом не угодив под колеса фур, продолжая надрываться. Что за псих, подумала я отстраненно. Очередной городской сумасшедший, словивший паническую атаку. Я отвернулась, собираясь вернуться в салон, и подняла взгляд туда, откуда он прибежал.

Мир исчез в оранжевой вспышке. Ударная волна швырнула меня обратно на дверь моей машины. Грохот заложил

уши намертво. Сразу несколько машин впереди подбросило в воздух; тяжелый фургон перевернулся в воздухе, медленно, как во сне, и рухнул на крышу, сминая металл в гармошку. Люди начали кричать. Не человечески - утробно, животное. Салон одной из легковушек мгновенно занялся огнем. Водители выскакивали из-за рулей, бросая свои места, и давили друг друга, создавая вторую волну паники.

Но мой мозг работал холодно. Осознание пришло мгновенно: пешком нам с трассы не выбраться. Огонь перекинется на сухую траву обочины за секунды. Нас просто сожрут заживо в этом заторе.

- Держись! - крикнула я, хотя собственного голоса не слышала.

Запрыгнула обратно, заблокировала двери. Вывернула руль вправо, направляя тяжелый капот прямо на металлический отбойник. Удар сотряс подвеску. Еще один. Машина перевалила через преграду. Я дала газу, уходя через поле, поднимая клубы сухой пыли. Земля была неровной, внедорожник прыгал на кочках, грозя оставить в грязи задний мост, но сзади нарастал рев пламени.

Я немного знала эту местность - мы ездили сюда на пикники в колледже. В голове автоматически выстраивался маршрут объезда: вдоль лесополосы, минуя овраг, снова на старый проселок.

Я сосредоточенно следила за дорогой, боясь моргнуть. Лекси притихла на пассажирском, вжавшись в кресло. Ми-

нут через десять тяжелого бездорожья я вывела машину обратно на свободный участок трассы. Резко ударила по тормозам. Послышался судорожный, громкий вздох - Лекси выпустила воздух, который, кажется, задерживала всё это время.

- Все в порядке? - обеспокоенно спросила я, поворачиваясь к ней. Лицо подруги приобрело нездоровый сероватый оттенок.

- А? - рассеянно отозвалась она, хлопая ресницами. - Да-да, всё отлично. Просто немного... не посебе. Думала, багажник отвалится.

- Слушай, - я постаралась улыбнуться самой ободряющей улыбкой, на которую была способна, - дальше по трассе будет заправка. Заедем? Нужно проверить бак.

- Да, хорошая идея, - она машинально кивнула, поправляя волосы. - У тебя в багажнике есть канистры? Думаю, нам стоит залить столько бензина, сколько влезет. Весь свободный объем.

- Да, Джеймс пару месяцев назад закинул две штуки, так и катаются. Думаю, ты права. Запас карман не тянет.

Уже через несколько минут мы зарулили на заправку. Само здание почему-то осталось нетронутым, разве что пластиковая вывеска покосилась. Лекси скрылась в туалете, а я вытащила из багажника тяжелые металлические емкости.

Глава 4: Родовое гнездо

К поселку мы подползли в сумерках, словно две воровки. Тут все осталось по-старому, до тошноты идеально. Охрана на въезде скользнула по нам пустыми глазами - Джеймс предупредил их заранее. Идеально ровные асфальтированные дорожки, которые даже сейчас, чистят до самого основания. Дома-близнецы из дорогого темного бруса с панорамными окнами, жадно смотрящими на глухой лес. Ухоженные газоны, мертвые фонтаны. И люди. Призраки за стеклопакетами, запершись в своих крепостях стоимостью в три жизни. Они годами не знают имен соседей, предпочитая здороваться кивком фар головного света своих «Рейндж Роверов».

Я перестала ездить сюда в тот день, когда заколотили крышку родительского гроба. Без них этот дом превратился в дорогой, безупречно обставленный склеп. Воздух здесь стал густым, давящим на барабанные перепонки. Джеймсу было плевать на мою тоску, он появлялся тут раз в пару месяцев - я никогда не спрашивала зачем. Не задавала вопросов, почему мы до сих пор не выставили эту коробку на продажу. Наверное, брат берег его как последний живой памятник родителям. Я не понимала этой сентиментальности, но и не осуждала. Каждый справляется с потерями как умеет: кто-то пьет, кто-то сжигает фотографии, а мой брат методично охраняет пыль.

Тяжелая дубовая дверь впустила нас внутрь вместе с порывом ледяного ветра. Как только замок щелкнул за спиной Лекси, мое дыхание сперло. Легкие отказались качать воздух. На меня рухнула волна воспоминаний, плотная, осязаемая, пахнущая маминым яблочным пирогом и отцовским одеколоном. Вот широкая лестница, где отец учил меня спускаться, держа за руку. Вот гостиная, где мы с Лекси впервые остались с ночевкой - помню, как мама долго кричала в трубку, прежде чем разрешить ей приехать. А вот бассейн во дворе. Помню дикий визг Лекси, когда Джеймс со своими идиотами-друзьями просто взяли и столкнули нас в ледяную воду. Лекси камнем пошла ко дну. Брат тогда еще не знал, что она панически боится глубины и не умеет плавать. Надо было видеть его лицо - абсолютно белое, перекошенное ужасом, когда он понял, что она не барахтается, а действительно тонет. Он нырнул за ней прямо в одежде. Потом неделю ходил за ней хвостом, извинялся каждые полчаса, а Лекси дулась, изображая смертельную обиду.

Воспоминание ударило под дых. Ноги подкосились. Я рухнула на кожаный диван в холле, уронила сумку и закрыла лицо руками. Пальцы дрожали так сильно, что костяшки побелели.

- Эй, - голос Лекси прозвучал над самым ухом, теплый и настоящий. Ее ладонь легла мне на плечо, слегка сжала. - Ты как? Дыши, Киара. Просто дыши.

- Все нормально, - слова застряли в горле сухим комом.

Пришлось сглотнуть вязкую слюну. - Просто... я давно тут не была. Не думала, что будет так больно снова вдохнуть этот запах.

Она обошла диван и крепко обняла меня сзади, сцепив руки замком на груди. Так, как делала это всегда, пряча меня от всего мира.

- Не переживай. - Мы выдыхаем страх вместе. - Не думаю, что мы тут надолго задержимся. Когда должен позвонить твой военный параноик?

- Не знаю, - шепчу я на выдохе, боясь пошевелиться внутри ее рук. - Сказал закрыться на оба замка изнутри. И сидеть ждать его звонка. Ни шагу наружу.

- Ну что ж, приказ есть приказ, - Лекси хлопает себя по коленям, звук выходит неожиданно громким в звенящей тишине дома. Она встает. - Тогда пошли посмотрим, во что твой братец превратил ваше великолепное родовое гнездо. Ставлю сотку, он развесил везде колючую проволоку.

Следующие несколько часов мы прочесывали этаж за этажом. Если смотреть поверхностно - ничего не изменилось. Это сводило с ума сильнее, чем если бы стены были забрызганы кровью. Абсолютная статика горя. Джеймс будто заморозил время в день смерти родителей. Вся та же мебель, стоящая на тех же местах с геометрической точностью маньяка. Те же дурацкие пейзажи в тяжелых рамах на стенах, те же семейные фото, где мы еще улыбаемся беззубыми ртами. Я уже собиралась крикнуть наверх, чтобы Лекси заканчивала

обыскивать спальню матери и шла вниз - желудок свело голодной судорогой, - как мой взгляд намертво прилип к полу.

Вот оно. Изменение. Дверь в цокольный этаж. Раньше там стояла обычная деревянная створка, покрашенная белой краской, вечно приоткрытая. В подвале гнил старый хлам: мой детский велосипед без колеса, коробки с елочными игрушками, папины инструменты, банки с засахарившимся вареньем. Теперь вместо нее зиял проем, окантованный сталью. Огромная, в полстены, армированная плита цвета графита. Никаких ручек, никаких петель снаружи. Только панель электронного замка и массивный штурвал, похожий на задрайку подводной лодки.

Это был не вход в подвал. Это был вход в бункер.

- Эй, Киара! - Лекси бесшумно спустилась по лестнице, подошла вплотную и заглянула через мое плечо. От неожиданности я вздрогнула всем телом. - Ты чего встала как вкопанная? Привидение увидела?

- Ты тоже это видишь, да? - тихо, почти одними губами проговорила я, не отрывая глаз от стального монстра.

- Конечно, мать твою, я это вижу! - вскрикнула подруга, и эхо заметалось по пустому холлу. - Готова поспорить на свою почку, раньше там был просто погреб!

- Да, - кивнула я, чувствуя, как вдоль позвоночника бежит ледяная струйка пота. - Был вход в подвал. А сейчас я понятия не имею, что скрывается за этим железом.

Мы простояли перед дверью минут пять. Тишина давила

на перепонки. Лекси первой дернула за край плиты - бесполезно. Толкнула плечом - ни миллиметра хода. Давайте признаемся хотя бы себе: Джеймс явно не хочет, чтобы туда заходили. Иначе не ставил бы непробиваемый сейфовый люк. Чертов военный придурок. Помешанный на тотальном контроле психопат.

Оставив попытки выломать бронированную сталь голыми руками, мы поплелись на кухню. Есть хотелось невыносимо. Лекси первым делом бросилась к холодильнику, распахнула тяжелую дверцу и замерла. Я заглянула ей через плечо и тихо присвистнула. Внутри было стерильно, как в операционной. Продукты стояли идеальными рядами. Вода, консервы, вакуумные упаковки мяса, овощи. Запасов хватило бы взводу спецназа месяца на два автономного выживания.

- Киара... - Лекси медленно обернулась, глядя на меня расширенными зрачками. - Тебе не кажется все это чертовски странным?

- Ооо... более чем, милая, - пропела я, пытаюсь сбросить напряжение нервной усмешкой, которая вышла кривой. - С каждым часом у меня появляется все больше вопросов к моему брату. И боюсь, ответы на них нам с тобой очень не понравятся.

За прошедшие четыре дня телефон Джеймса умер первым. «Абонент вне зоны действия сети». Я начинаю нервничать. Нет, не так. Меня трясет от животного ужаса, смешанного с бессильной, ядовитой злостью. Сидеть в позоло-

ченной клетке, не имея никакой информации - худшая пытка. Но кое-что мы все-таки узнали. И от этого волосы на затылке не просто шевелятся - они пытаются сбежать вместе со скальпом.

На первый день нашего добровольного заточения федеральные каналы внезапно ожили. Бледный диктор объявил о чрезвычайном положении сначала в трех городах, затем список пополнился, а к вечеру красным окрасилась вся карта страны. Оказывается, взрывы были не только у нас. Атакам подверглись все фармакологические гиганты. Разрушены лаборатории, заводы, штаб-квартиры. «Призма» оказалась лишь верхушкой айсберга, мелким филиалом группы компаний «Фортекс». Именно там проводилось некое секретное испытание, из-за которого мир начал сходить с ума. Подробностей никто не сообщил, картинка резко сменилась на заставку Службы чрезвычайных ситуаций, но мы с Лекси провели ночь на форумах, складывая два и два. Получилась цифра Апокалипсис.

На второй день начались перебои. Сначала рассыпалось изображение на экране телевизора, превращаясь в серую рябь. Затем интернет начал захлебываться, страницы грузились по минуте. Мы смотрели друг на друга, вспоминая малобюджетные фильмы про конец света - там все начиналось именно так, с помех в эфире. Я перестала выпускать смартфон из рук, каждый час тыкая в контакт брата. Гудки. Обрыв. Пустота. В те короткие часы, когда сеть подава-

ла признаки жизни, Лекси сидела, сгорбившись над ноутбуком. Она мониторила любительские съемки взрывов, видео горящих улиц, посты о несанкционированных митингах, которые разгоняли водометами. Чем больше данных сыпалось на нас, тем плотнее становилась атмосфера в доме. Казалось, сам воздух пропитался гарью далеких пожаров.

Третий день начался со стука. Громкого, требовательного. Лекси, спотыкаясь спросонья, радостно рванула к двери:

- Джеймс, наконец-то! - щелкнул замок.

Я среагировала быстрее инстинкта. Выскочила из кухни, схватила ее за локоть железной хваткой и впечатала спиной в стену, зажимая рот ладонью.

- Тихо, больная! - прошипела я ей в самое лицо. - А если это не он?!

Лицо подруги исказилось от страха. Мы замерли. Стук повторился. Как оказалось, это был мужчина лет сорока пяти. С виду совершенно обычный - серая куртка, уставшее лицо обходчика. Но глаза... Глаза были плоскими, рыбьими, лишенными всякого сочувствия. Он проводил поквартирный обход. Проверял, какие дома пустуют, а в каких есть живые души - на случай эвакуации, чтобы всех централизованно предупредить. По крайней мере, такую легенду он протараторил в пустоту, через закрытую дверь. Если честно, я не поверила ему ни на грамм. Мародеры редко ходят в форме коммунальных служб, но выглядят они точно так же - ищущими легкой наживы шакалами. Мы сделали вид, что

дома никого нет. Он постоял еще минуту, поскреб ногтем косяк и ушел.

На четвертый день я сидела на кухне у окна, наблюдая за исходом. Часть жителей поселка молча, без истерик, грузили сумки в машины и уезжали, растворяясь в тумане. Связь умерла окончательно. Черный прямоугольник телевизора транслировал только шипение. Я слышала приглушенные голоса соседей, проходивших мимо забора. Сплошные разрушения. Полиция разбежалась. Военных нет - видимо, есть места посерьезнее элитного поселка, куда их могли кинуть для реального тушения пожара. Органы власти официально признали свое поражение.

Вечером, когда мы с Лекси сидели за столом, рисуя на салфетке маршруты возможного бегства, с улицы донесся шум. Низкий гул моторов, который вибрирует в зубах. Резкий скрежет тормозов. И крики. Животные, рваные вопли. Переглянувшись, мы единым движением метнулись к кухонному окну, выходящему на дорогу. Там стоял армейский грузовик защитного цвета и длинный белый автобус без окон. Семеро фигур в черной тактической экипировке, в балаклавах, оставляющих открытыми только бешеные глаза, работали быстро и четко. Они двигались от дома к дому, выбивая парадные двери таранами.

Мы видели, как один из них, заломив руку женщине, тащит ее к автобусу за длинные темные волосы. Она цепляется пальцами за ледяной гравий, кричит, срывая связки. Сле-

дом ведут мужчину. Его голова безвольно опущена, куртка на спине потемнела от крови. Один из военных грубо толкает его в спину. Мужчина падает на колени. Ствол пистолета упирается ему в затылок. Женщина заходится новым криком, за что получает звонкую, сухую пощечину, от которой голова дергается вбок. И тут раздается выстрел. Хлопок получается негромким, кашляющим, но тело мужчины напротив первого солдата резко дергается и заваливается на бок. Из простреленного затылка выплескивает багровым. Раздается дикий, нечеловеческий вой женщины. Ее хватают под руки двое, ноги волочатся по земле, пока ее затаскивают в темноту автобуса.

- Лекси... - шепчу я, чувствуя, как немеют губы.

- Да... я вижу, - отвечает она таким же мертвенным, сиплым шепотом. Лицо подружки стало белым как мел.

- Это не эвакуация. Нам туда нельзя. Они не спасают. Они собирают урожай.

Мы переглядываемся и синхронно делаем шаг назад, вглубь кухни, подальше от стекла. Нужно спрятаться. Закрытая дубовая дверь не остановит людей, способных нажать на курок посреди жилого квартала. Лекси показывает пальцем на круглый металлический люк в полу возле посудомоечной машины - старый винный погреб. Я судорожно киваю. Раздается стук в дверь соседей. Громовой, тяжелый, от которого содрогаются стены прихожей. Мы вздрагиваем одновременно, как марионетки на одной нити.

- Боже, они пришли за нами, - всхлипывает Лекси, ее начинает мелко трясти.

- Тихо! - шиплю я, хватая ее за ворот свитера. - Бегом в погреб. Пока они заняты соседями.

Как только я опускаю тяжелую крышку люка, отсекая тусклый свет кухни, сверху раздается оглушительный треск - приклад или таран высадил входную дверь. Через щель между половицами я вижу тяжелые берцы. Двое. Лица скрыты, движения хищные, профессиональные. Никакого лишнего шума, никакого разговора - только скупые жесты руками. Один сразу уходит на второй этаж, проверяя спальни. Второй остается внизу. Он движется медленно, шаг за шагом, сканируя пространство. Останавливается в дверном проеме кухни. Раздается тихое шипение рации. Затем мужской, прокуренный голос рывкает так громко, что мы подпрыгиваем:

- Прием.

- Командир, нашли еще троих. Все ликвидированы, - отвечают сухо, буднично, словно речь о заполнении отчета.

- Принято. Возвращайтесь к грузовику. Всех чистых грузите в автобус.

Лекси зажимает рот обеими руками. Ее плечи ходят ходуном от беззвучной истерики, глаза вылезают из орбит. Я прижимаюсь лбом к холодной крышке, стараясь дышать через раз, втягивая носом пыльный воздух подземелья. Ликвидированы? Чистых? Как это понимать - чистые? Зараженные грязные, а выжившие чистые? Или наоборот?

Через минуту ступени скрипят снова. Спускается второй. Докладывает одним словом:

- Чисто.

Они кивают друг другу. Разворачиваются. Делают пару шагов к выходу из кухни. И в этот момент Лекси чихает. Едва слышно, сдавленно, уткнувшись лицом в ладони, но в абсолютной тишине разгромленного дома это звучит как сирена. Черт! Главный резко останавливается. Замирает каменным изваянием. Мы перестаем существовать, превратившись в слух. Задерживаем дыхание. Легкие начинают гореть огнем. Он стоит секунду. Две. Три. Не шевелится, прислушиваясь. И в тот момент, когда он делает шаг обратно на кухню, разворачиваясь к нашему люку, рация на его плече взрывается треском вызова. Он замирает, слушает команду, резко разворачивается и быстрым шагом покидает дом, отвечая на ходу:

- На связи.

Мы выдыхаем одновременно. Втягиваем вонючий подвальный воздух огромными глотками, обжигая горло, но наши легкие все равно требуют еще.

Глава 5: Логово призраков

Земляной пол погреба пах прелой картошкой и застоявшейся сыростью. Мы просидели здесь еще час после того, как гул дизельных двигателей «Хамви» окончательно растворился в осенней мороси. Сначала мы просто перестраховывались - считали секунды по ударам крови в висках. А потом от страха не могли заставить себя вылезти. Каждый раз, когда ветер хлопал незакрытой ставней, казалось: они вернулись. Сейчас тяжелые берцы прогрохочут по крыльцу, выбьют то, что осталось от двери, и сухой треск выстрелов снова разорвет тишину дома.

Это чувство пробирает до костей. Липкое, холодное, оно заливаает легкие свинцом. Безысходность. Абсолютная уверенность в том, что следующий вдох может стать последним.

Когда колени наконец перестали дрожать, а Лекси смогла разогнуть сведенную судорогой спину, мы выползли наверх. Разбираться с последствиями. Точнее - с зияющей дырой там, где еще утром стояла входная дверь. Останься мы со сломанным замком нараспашку - это было бы уже не приключение, а быстрый билет к расстрельной команде или кое-чему похуже. В нынешних реалиях мародеры среагируют на такую легкую добычу быстрее патрулей. И я почему-то была уверена, что появившийся отряд военных ублюдков - далеко не самое страшное, что бродит по этим дорогам.

Замок мы выдрали с мясом, но механизм поддался. Благо принцессами Джеймс нас никогда не растил, вбивая в головы простую истину: если ты не можешь починить свой дом сама, этот дом станет твоей могилой. Для верности мы с Лекси вдвинули тяжелый дубовый шкаф прямо в дверной проем. Штыри ножек глубоко ушли в деревянный пол.

- Чтобы спать наверняка, - выдохнула подруга, тяжело опускаясь на табурет.

Спать. Я посмотрела на свои руки - они все еще мелко тряслись. Кто вообще сможет уснуть после такого? Нет, сегодня моя очередь бодрствовать. Сомневаюсь, что веки закроются хотя бы на пару часов.

Пока я летала в своих мыслях, разглядывая трещины на потолке, Лекси гремела старой туркой над спиртовкой. Запахло горелым сахаром и дешевым молотым кофе - роскошь, которую мы берегли для самых паршивых дней. Судя по запаху, именно такой день сегодня и наступил.

Она молча толкнула ко мне тяжелую керамическую кружку. Керамика обожгла ладони сквозь ткань кофты.

- Как ты думаешь, они еще вернутся? - ее голос звучал глухо, словно она говорила через слой ваты. Я сделала глоток. Горький, спасительный вкус обжег горло, возвращая ощущение реальности.

- Вряд ли. Они получили то, за чем пришли, иначе перевернули бы тут каждый плинтус. Но нам нужно быть начеку. Я подняла взгляд. Свет единственной керосинки бросал

глубокие тени на лицо подруги. Лекси выглядела так, будто постарела на десять лет за одну ночь. Длинные темные волосы собраны в небрежный хвост, который вот-вот развалится. Под потускневшими ореховыми глазами пролегли густые фиолетовые синяки, губы искусаны в кровь. Ей нужен отдых больше, чем кому-либо из нас. Хотя... судя по тому, как сводит мои собственные плечи, выгляжу я не лучше.

- Лекси, иди спать, - мой голос прозвучал ровно и уверенно, почти командирски. - Тебе нужно отдохнуть.

- А ты? Тебе тоже стоит... - она запнулась, сглотнув ком в горле.

- Не переживай. Теперь будем спать по очереди. Я подежурю первой. Как только почувствую, что отключаюсь, разбужу тебя.

Лекси долго смотрела на меня снизу вверх, ища подвох. Не нашла. Плечи подруги чуть заметно расслабились. Она кивнула и, шаркая ногами, ушла на второй этаж.

Я осталась одна. За кухонным столом, в оглушающей тишине мертвого дома. Нужно продумать план. Мы не можем сидеть тут вечно и ждать, когда объявится Джеймс. А если он не объявится? Если с ним что-то случилось?

Как только эта мысль черной змеей проскользнула в сознание, сердце пропустило удар, сжалось и заняло тупой, тянущей болью. Нет. Я резко тряхнула головой, пытаясь вытрясти непрошенные образы. С ним все хорошо. Просто сейчас нет возможности выйти на связь, вышки давно мертвы. Но

он обязательно что-нибудь придумает. Это же Джеймс. Мой старший брат, моя непробиваемая скала и опора. Командир особого военного подразделения. Господи, кого я обманываю... По моей спине пополз ледяной пот. Он бы нашел способ передать весточку. Со мной связался бы его радист, кто угодно. С ним явно что-то случилось.

Я уронила голову на сложенные ладони, впиваясь ногтями в кожу затылка, и тяжело задышала, борясь с тошнотой. Так. Соберись. Паника выжигает кислород быстрее радиации. Если Джеймс не выйдет на связь в ближайшие пару дней, нам придется уходить вслепую. Нужен план действий.

Место. Что мы имеем? Атаке подверглись все города-миллионники, где стояли офисы группы компаний «Фортекс». Значит, нам нужно туда, где их не было. Дерьмо! Это какая срань господня должна остаться на карте, чтобы фармакологический гигант обошел ее стороной? Ладно. Без паники. С этим разберемся позже.

Транспорт. Тут проще. Мой черный «Вранглер», старый армейский джип Джеймса, должен проползти везде, даже если вместо дорог останется лунный пейзаж. А он, конечно, останется, в этом я даже не сомневаюсь.

Маршрут. Из точки А в точку Б. Минимум федеральных трасс. Обходить крупные узлы десятой дорогой - там, где много людей, всегда слишком много проблем. Только малые поселения, заброшенные заправки.

Снаряжение. Вот здесь загвоздка. Еда пока есть - консер-

вы, крупы. А одежда... Все, что мы нашли в доме брата - пара комплектов термобелья, старые джинсы и футболки, которые он приволок сюда за ненадобностью. В таком выходить в пустошь - самоубийство.

За всеми этими расчетами я не заметила, как рассвело. Серый свет сочился сквозь щели в закрытых фанерой окнах. Потерев двумя пальцами переносицу, я поняла, что глаза начинают слипаться. Хватит. Время платить по счетам. Пора будить Лекси.

Кровь превратилась в лед.

Тяжелые берцы выбили остатки косяка одним ударом. Сквозь щель в половицах погреба я видела, как двое в тяжелой штурмовой броне схватили Джеймса в гостиной. Вытащили на залитый кислотным дождем газон. Брат хрипел, вырывался, пытался достать ножом ближайшего солдата, но силы были неравны. Мир вокруг замедлился, стал тягучим, как смола. Один из штурмовиков шагнул вперед. Холодно, без эмоций, чисто механически вскинул винтовку. Нажал на спуск. Глухой, мокрый звук выстрела эхом разорвал ночную тишину.

Тело брата обмякло тряпичной куклой и рухнуло в черную жижу. Из моих глаз градом хлынули слезы, сжигая кожу. Я пыталась закричать, выплеснуть этот ужас наружу, но из горла вырвался лишь беззвучный сип. Мир потерял всякий смысл, погружаясь в липкий, сводящий с ума кошмар. Свет

перед глазами померк. Наступила абсолютная, звенящая тишина...

Я резко открыла глаза. Первые несколько секунд мозг отказывался понимать, где заканчивается сон и начинается реальность. Закрыла лицо ладонями, чувствуя, как колотится сердце о ребра. Сделала три глубоких вдоха. Сон. Просто стрессовый бред. С ним все в порядке. Дерьмо! Приснится же такое!

Чтобы прийти в себя окончательно и смыть эту холодную испарину, нужен душ. Ледяной, вымывающий страх из пор кожи.

Когда я спустилась вниз, босая и дрожащая, Лекси сидела за столом. Она задумчиво крутила в пальцах пустую кружку. Рядом стояла вторая, от нее поднимался густой пар. Она не обернулась, когда я подошла и взяла свою порцию. Мм... То, что нужно.

- Доброе утро, - заставила себя улыбнуться я.
- Ага, - тихо отозвалась подруга, глядя в стену.
- Что с тобой? Утро не задалось? - я попыталась разрядить обстановку смехом, но вышло жалко.

- Киара... что дальше? Прошло уже куча времени. Мы ждем призрака.

Я поставила кружку на стол, села напротив. Колени уперлись в ее колени. Как только я открыла рот, чтобы рассказать ей о своем плане побега, кухню прорезала незнакомая мелодия. Громкая, навязчивая, электронная трель.

- Что это? - Лекси дернулась, расплескав остатки своего кофе. - Это твой телефон? Ты сменила мелодию?

- Нет, это не мой, - ничего не понимая, ответила я. - Да и связи нет третий день, одни помехи.

Мы встали и пошли на звук, медленно, крадучись, словно сам аппарат мог взорваться. Мелодия вела нас в гостиную. Звук шел от старого дубового комода. После минуты лихорадочных поисков среди пожелтевших счетов за электричество Лекси вытащила находку. Черный, увесистый кирпич спутникового телефона военной модели. Протянула мне. Экран мигал зеленым. Сердце пропустило удар и забилося где-то в горле.

- Киара! Возьми трубку! - Лекси больно ткнула меня пальцем в плечо, выводя из ступора.

- Алло... - осторожно выдавила я, нажимая кнопку ответа.

- Господи, Птаха, наконец-то!

- Твою мать! - вскрикнула я, едва не выронив прибор. Взглянула на застывшую рядом подругу.

- Почему так долго?! Где ты?! С тобой все в порядке?!

- Тише, тише, милая, - успокаивающий, родной баритон брата резанул по нервам. - Я пытаюсь вам дозвониться уже третий день. Гребаная гражданская сеть лежит. И я кретин, только сейчас вспомнил, что оставил в тайнике спутниковый терминал.

- Что происходит? - спросила я, чувствуя, как отпускает стальной обруч, стягивающий грудь последние сутки.

- У меня не так много времени, эфир могут перехватить. Слушай внимательно и запоминай...

Разговор занял меньше пяти минут. Когда динамик сухо щелкнул, разрывая соединение, у нас с Лекси был готовый, четко выстроенный маршрут.

Первым пунктом значилось место укрытия. И я готова похвалить себя - мыслила в нужном направлении. Джеймс будет ждать нас в специально оборудованном бункере на восточной окраине Черного леса, в районе старых торфяных болот Бериша. Подальше от всех возможных лабораторий «Фортекса». По моим прикидкам, ходу туда два дня, если объезжать воронки. Должны справиться.

Но настоящим потрясением стало другое. - *Открой железную дверь в подвал, - сказал он тогда по телефону. - Код замка - дата маминого рождения.*

Мы переглянулись. Когда мы все таки открыли дверь в погреб нам открылся проход в затхлую, пахнущую сыростью и машинным маслом темноту. Луч мощного диодного фонаря выхватил из мрака идеально ровные стены, покрытые пятнами белой плесени. Внутри царил пугающий военный порядок.

Вдоль стен тянулись металлические стеллажи. Ящики с маркировкой спецотряда, которую время почти стерло. Здесь хранилось то, что в новом мире ценилось дороже золота: патроны россыпью и в цинках, гранаты в промасленной бумаге, четыре автомата с укороченными стволами и массив-

ные пистолеты в открытой кобурах. На отдельной полке лежали оптические прицелы и банки с глушителями - инструменты для тех, кто предпочитает убивать тихо.

В дальнем углу склада стояли тяжелые армейские пластиковые боксы. Открыв один из них, мы обнаружили не оружие, а снаряжение: новенькие тактические рюкзаки цвета хаки и оливы, сшитые из плотной кордуры. Их лямки были туго затянуты стропами, а на спинках виднелись крепления для бронепластин. Рядом аккуратными стопками лежали разгрузочные жилеты, наколенники и перчатки с обрезанными пальцами.

Но самым странным зрелищем была отдельная вешалка у дальней стены. Там, на плечиках, висели идеально выглаженные женские военные костюмы. Строгие черные комбинезоны из плотной ткани с матовым отливом. Никаких нашивок, флагов или шевронов. Они выглядели так, словно хозяйки должны были вернуться с минуты на минуту, чтобы переодеться к построению. Рядом на полке стояли высокие шнурованные ботинки. Размер тридцать восьмой. Наш размер.

В воздухе висел густой запах оружейной смазки, перебивающий вонь плесени. Это место казалось мавзолеем прошлой жизни, законсервированным и терпеливо ждущим своего часа. Джеймс знал. Он отправил нас именно в этот дом не случайно, он спланировал всё заранее.

- Твою мать, - тихо прошептала Лекси, проводя рукой

по гладкой ткани ближайшего комбинезона. - Готова поспорить, вон те костюмчики шили прямо по нашим меркам.

- Неважно, - я закрыла бокс, отсекая соблазн примерять форму прямо сейчас. - Лекси, отставить лирику. Нам нужно собрать рюкзаки. Берем минимум вещей, максимум веса. Два пистолета каждому, ножи, аптечки расширенного состава. Припасы. Завтра на рассвете выезжаем.

Глава 6: Кладбище иллюзий

Около шести утра сумерки еще цеплялись за крыши руин, окрашивая мир в оттенки пепла и свинца. Мы с Лекси стояли на улице возле дверей нашего временного убежища, собираясь с мыслями перед долгой дорогой.

В этом полумраке разрушенного мира, где каждый предмет нес на себе печать хаоса, мы сами выглядели как оживший парадокс - два идеальных механизма смерти посреди всеобщего распада. Облегающие черные военные комбинезоны из плотной кордуры подчеркивали наши атлетические фигуры, превращая женские силуэты в хищные тени. На бедрах плотно сидели кобуры, на поясах висели подсумки с запасными магазинами. Экипировка говорила сама за себя: мы готовы к бою каждую секунду.

Лекси была воплощением скрытой силы и первобытной грации пантеры. Ее длинные темные волосы тяжелым каскадом спускались ниже лопаток, падая на лицо всякий раз, когда она резко поворачивала голову, сканируя улицу. В ореховых глазах с редкими золотыми искорками читался стальной характер и звериная проницательность. Взгляд спокойный, но цепкий, он не упускал ни одной детали. Каждое ее движение было плавным, выверенным до миллиметра. Ни капли суеты. Она двигалась так, словно выслеживала добычу среди бетонных обломков всю свою жизнь.

Я же стала ее полной противоположностью - олицетворением холодной, звенящей от напряжения решимости. Светлые волосы, подстриженные по плечи, были туго заправлены за уши, чтобы не сужать периферийное зрение. Короткая стрижка безжалостно обнажила высокие скулы и волевой подбородок. В моих светлых, почти прозрачных глазах горел ледяной огонь. Я была собрана как сжатая пружина, готовая распрявиться от малейшего щелчка курка.

Все готово. Сумки собраны и загружены во внедорожник. После того что нам рассказал Джеймс, с наших глаз словно содрали розовую пленку. Мир перестал быть просто опасным - теперь это была враждебная среда, живущая по законам джунглей. Было ли нам страшно? Безумно. Но выбора у нас больше не осталось.

Мы решили выехать на рассвете именно для того, чтобы слиться с тенями. Как я всегда говорю: чем меньше людей видит тебя, тем дольше ты дышишь. Путь в бункер вел нас обратно через Броумверт - город, из которого мы бежали неделю назад, спасая свои жизни.

Когда «Вранглер» миновал разбитую стелу на въезде, я его просто не узнала. Город застыл во времени, превратившись в монумент безмолвной смерти. Низкое небо, затянутое серой химической пеленой, давило на руины, не пропуская ни единого луча солнца. Воздух здесь пах иначе - густой смесью гари, прелой сырости и сладковатой трупной гнили.

Улицы превратились в кладбище искаженных островков

металла. Асфальт пошел глубокими трещинами, сквозь которые пробивалась сухая, колючая трава-мутант. Витрины магазинов зияли черными провалами, их содержимое давно перекачevano в мешки мародеров. Под колесами хрустели пустые консервные банки и истлевшие лоскуты одежды. Ветер гонял по мостовой мелкий мусор, создавая монотонный, сводящий с ума шелест.

Бетонные многоэтажки стояли мрачными исполинами. В их черных окнах никогда больше не загорится свет. Фасады обезображены копотью от пожаров, достигших верхних этажей. Стены испещрены следами пуль и торопливыми граффити - последними криками ушедшего мира, умоляющими о помощи или проклинающим соседей.

В этом мертвом царстве тишина была обманчивой иллюзией. Из-под завалов и из темных переулков то и дело доносились шорохи и приглушенные, влажные стоны. Время от времени эту вязкую тишину разрывали вопли - ветер ли выл в арматуре, выжившая ли мать звала сгинувшего ребенка, или кого-то тащили в темноту, чтобы сожрать заживо. На перекрестках, у костров из офисной мебели, жались друг к другу испуганные, истощенные группы людей. Они кутались в грязные одеяла, пытаясь защититься от холода и таких же голодных бродяг.

А в тени разрушенных зданий иногда мелькали быстрые, нечеловеческие силуэты. Мы пока не знали, кто это такие. Но очень скоро познакомимся лично. Знакомство обещало

быть крайне неприятным.

- Что произошло с нашим городом? - голос Лекси прозвучал непривычно тихо, почти теряясь в скрипе дворников.

- Война. Апокалипсис, - ответила я, мертвой хваткой сжимая руль и глядя прямо перед собой, чтобы не смотреть на ад справа по борту. - Называй как хочешь. Суть одна.

Когда мы наконец вырвались на окраину, сумерки окончательно поглотили разрушенный мегаполис. И в этот момент, словно материализовавшись из сгущающейся тьмы, прямо перед капотом шагнула фигура.

Реакция тела опередила разум. Визг тормозов разорвал кладбищенскую тишину. Резко запахло паленой резиной. Тяжелый внедорожник клюнул носом и замер в считанных сантиметрах от незнакомца.

Сердце пропустило удар и рухнуло куда-то в желудок. На обочине стоял мужчина. Он даже не попытался отскочить. Просто замер, пошатываясь, словно пьяный. В слепящем свете фар его силуэт казался неестественно изломанным. Одежда висела рваными клочьями, перепачканная чем-то темным, похожим на запекшуюся грязь или кровь. Он тяжело, со свистом втягивал воздух, и этот хриплый звук был отчетливо слышен даже сквозь закрытые окна и урчание двигателя.

Мы переглянулись. Ужас скрутил внутренности холодным узлом. Мужчина медленно поднял голову. Его лицо было бледным до синевы, восковым. Красные глаза лихорадочно блестели нездоровым блеском, зрачки неестественно расширены. Сделав неуверенный, заплетающийся шаг вперед,

он уперся ладонями в холодный металл капота, словно боясь, что ноги откажут.

- Пожалуйста... - его голос сорвался на булькающий хрип. Он говорил с трудом, едва шевеля губами, покрытыми белой пеной. - Помогите... мне... плохо...

В его мутном взгляде не было агрессии. Только животный, первобытный страх и невыносимая, выворачивающая суставы боль. Он смотрел на нас с мольбой, протягивая трясущуюся руку к лобовому стеклу.

Тогда мы еще не знали, что он - один из «зараженных». Носитель чего-то страшного и необратимого, пожирающего нервную систему. Для нас он все еще оставался человеком в беде. Но инстинкт самосохранения, натренированный Джеймсом, уже бил набатом. Воздух в салоне сгустился, став плотным и кислым от запаха собственного пота. Нужно было решать: открыть дверь и попытаться спасти незнакомца, подписав нам смертный приговор, или нажать на газ.

Секунды растянулись в вечность. В салоне повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь тяжелым, мокрым дыханием мужчины и бешеным стуком наших сердец.

- Мы не будем ему помогать, - мой голос прозвучал ровно, механически. Когда Лекси повернулась ко мне с немой мольбой в глазах, я добавила жестче: - Нет.

- Но... Киара, он умирает...

- Это уже не наши проблемы! - отрезала я.

Моя рука, сжимающая рычаг переключения передач, по-

белела от напряжения. Я вгляделась в мужчину снова. В тусклом зеленоватом свечении приборной панели стало видно то, что скрывала ночь: неестественный угол шеи, дрожь, пробегающая по мышцам судорогой, и абсолютно пустой, рыбий взгляд. Там, за стеклом, не было ничего человеческого. Только пустота и голод.

Визг шин разорвал оцепенение. Я вдавила педаль газа в пол. Машина дернулась назад, уходя от него, затем, взревев восьмицилиндровым двигателем, рванула вперед, объезжая шатающуюся фигуру по встречной полосе. Мы не стали опускать стекло. Не стали слушать его захлебывающиеся мольбы, переходящие в бульканье. Животный ужас оказался сильнее сострадания.

Нашей целью был выезд на федеральную трассу Б-84. Там, за чертой этого гниющего мегаполиса, лежала пустая, прямая дорога к бункеру. Мы проскочили последний перекресток, чудом не вписавшись в остов сгоревшей фуры, миновали разбитую автобусную остановку и увидели впереди размытые дождем очертания развязки. Дорога на выезд была свободна.

Выехав на трассу, мы обе почувствовали, как спина немного отпускает. Город остался позади - темной бесформенной массой на горизонте, жадно пожирающей свет наших фар. Впереди была только серая полоса мокрого асфальта, уходящая в непроглядную ночь. Мы ехали молча, вцепившись в руль, и каждая думала о человеке, которого мы оста-

вили умирать в канаве. Или становиться кем-то другим.

Трасса тянулась через бесконечное, безжизненное поле. Глаза начали слипаться от монотонного мелькания разметки. Нам нужно было место, чтобы перевести дух. Лишь через час в свете фар наконец показался знакомый синий овал. Заправка. Оазис в пустыне хаоса. Мы переглянулись с надеждой: если колонки выпотрошены, там должен остаться хотя бы сухой угол, душ и крыша над головой.

Но стоило подъехать ближе, как надежда сменилась глухой, привычной тоской. Место выглядело так, будто здесь сначала пронесся ураган, а следом прошел отряд озверевших дезертиров. Огромные рольставни, закрывавшие вход в минимаркет, были вырваны из направляющих вместе с куском стены и валялись на асфальте, напоминая крыло сбитого самолета. Стекла панорамной витрины выбиты, и ветер уныло завывал в пустых алюминиевых рамах.

Мы припарковали «Вранглер» под навесом дизельных колонок, задвинув его в самый темный угол, подальше от окон. Вышли, ежась от ночной прохлады. Тишина здесь стояла гнетущая, тяжелая, нарушаемая только скрипом ржавой вывески «Дизель» на ветру.

Внутри царил полный разгром. Пол был усеян осколками стекла, пожелтевшими чеками и пустыми пластиковыми бутылками. Холодильники стояли с распахнутыми дверцами, внутри было пусто и пахло уксусной тухлятиной. Стеллажи с шоколадом и чипсами перевернуты вверх дном - все, что

можно было унести в карманах и съесть на месте, исчезло.

- Тут ничего нет, - прошептала Лекси, пиная носком тяжелого ботинка пустую банку из-под энергетика.

Однако мы нашли то, что было важнее еды. В дальнем углу, за перевернутой кассой, обнаружилась металлическая дверь с облупившейся табличкой «Служебное помещение». Она была заперта на дешевый цилиндрический замок. Хлипкая личинка не выдержала первого же удара моей обрезиненной биты, которую я прихватила с собой из машины.

За дверью оказалась крошечная комната отдыха персонала. Воздух спертый, пыльный, пахнувший старым кофе и дезинфектором, но главное - здесь было сухо. Узкая кушетка, накрытая засаленным пледом, и такое же старое, продавленное офисное кресло. Сейчас это было лучшее, что мы видели за последние сутки пути.

Я заперла дверь на тяжелый железный засов изнутри и почувствовала, как многотонная плита напряжения впервые уходит с плеч. Лекси тут же осела на пол, доставая из рюкзака остатки галет и бутылку воды. За тонкой стеной бушевал разрушенный мир, готовый сожрать любого идиота с открытым сердцем. Но здесь, в этой темной, тесной камерке, мы были в безопасности. Впервые с того момента, как мы покинули загородный дом, я позволила себе закрыть глаза, откинуться затылком на стену и просто дышать.

Глава 7: Правило открытой двери

Солнце только-только поднялось над горизонтом, залив заброшенную заправку холодным, мертвенно-бледным светом. Оно превратило островок бетона среди пожухлой травы в сюрреалистичную диораму, погруженную в густой утренний туман. Воздух был сырым, тяжелым и неподвижным - казалось, сам мир затаил дыхание. Тишину нарушало лишь редкое потрескивание ветра в выбитых пластиковых окнах минимаркета.

Мы с Лекси уже были собраны: рюкзаки затянуты, шнуровка ботинок проверена. Мы готовы были продолжать этот тяжелый и смертельно опасный путь, когда хрупкую тишину разорвал низкий, вибрирующий гул приближающихся моторов.

Я метнулась к щели между стеной и перевернутым стеллажом. Из молочной мглы вынырнули два старых, ревущих внедорожника с кенгурятниками из сварных труб. Они остановились прямо у дизельных колонок, ослепив меня резким светом галогеновых фар. Двери хлопнули почти одновременно. На бетон ступили четыре мужские фигуры. Их взгляды казались тяжелыми даже отсюда, а походка была уверенной, разболтанной и хищной. Хозяева территории вышли проверить добычу.

- Лекси, нужно убираться отсюда, - прошипела я, натяги-

вая перчатки. - Мне очень не нравятся эти типы.

- И почему мне кажется, что так просто они нас не отпустят? - отозвалась она, бесшумно закидывая рюкзак на плечи и выходя из нашей каморки первой.

Не говоря ни слова, парни двинулись к дверям магазина. Поняв по их расстановке - двое спереди, один контролирует фланг, четвертый остался у машин - что это не мирные путники, мы приготовились к худшему. Входная дверь, сорванная с роллетов, с оглушительным металлическим скрежетом распахнулась внутрь. Мужчины ворвались в зал, заполнив тесное пространство запахом дешевого табака, застарелого пота и оружейной смазки.

- О-о-о, вы только посмотрите, кто тут у нас, парни! - воскликнул тот, что шел первым. Его глаза, маленькие и глубоко посаженные, скользнули по мне липким, раздевающим взглядом.

- Эй, красавицы, куда так спешим? - хрипло добавил второй, отрезая нам путь к кассам. - Может, составите компанию уставшим путникам?

Мы попытались обойти его молча, опустив глаза и ускорив шаг, но третий парень вырос сбоку, как черт из табакерки, перекрывая выход на парковку. Мы оказались в ловушке. Пространство сузилось до размеров ринга.

- Да ладно вам ломаться, - протянул первый, делая шаг вперед. Вторжение в личное пространство. Запах перегара ударил в нос, вызывая тошноту.

- Что вы как неродные? Мы же по-хорошему. Улыбнитесь. Вы же не хотите нас обидеть?

Его рука, тяжелая и горячая сквозь плотную ткань комбинезона, легла на мое плечо. Он сжал пальцы чуть сильнее, чем требовалось для дружеского жеста, впиваясь костяшками в сустав.

- А ты ничего такая. Крепкая. Что молчишь? Язык проглотила от восторга?

Второй, более наглый, потянулся грязными пальцами к лямке рюкзака на плече Лекси.

- Ого, а что у вас тут? Консервы? А то мы с пацанами со вчерашнего дня пустые...

Третий просто стоял позади, загораживая дорогу назад и нагло разглядывая нас с ног до головы, словно оценивая скот на рынке. Атмосфера накалялась мгновенно, превращаясь из мерзкой в откровенно опасную. Смех парней стал громче, агрессивнее, отражаясь от кафельного пола. Тот, что держал меня, уже бесцеремонно пытался заглянуть в лицо, ухватив за подбородок холодными, влажными пальцами.

- Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! - рявкнул он, когда я инстинктивно отвернулась.

Его голос потерял всякую игривость, превратившись в рык зверя. Капля слюны сорвалась с его губ и упала мне на воротник.

Ситуация была доведена до предела. Мы были окружены, прижаты спиной к витрине с давно пустой электроникой,

а руки незнакомцев становились все более настойчивыми и грубыми. Но они не учли одного. В мире, где выживает сильнейший, слабость - это непозволительная роскошь, которую мы оставили в могиле еще несколько дней назад.

Мир замедлился. Я резко развернулась всем корпусом, вкладывая вес тела в движение. Локоть с хрустом вошел точно в кадык ближайшего ублюдка. Он выпучил глаза, схватился за горло и начал оседать, издавая булькающий сип. Пока он хватал ртом воздух, моя правая рука уже перехватила обремененную рукоять биты, закрепленной на спине.

Лекси, используя эффект неожиданности, пнула второго парня тяжелой подошвой берца прямо в коленную чашечку. Раздался сухой треск разрываемых связок. Мужчина взвыл, заваливаясь набок, а Лекси уже отскочила к прилавку, уходя с линии атаки.

Завязалась жестокая, первобытная схватка в тесном пространстве. Парни были крупнее, массивнее, привыкшие брать массой, но мы были быстрее. Нами двигала холодная ярость загнанного в угол зверя, которому нечего терять.

Я уворачивалась от неуклюжих замахов, скользя по мокрому от тумана бетону. Бита работала идеально - короткий взмах, глухой удар по предплечью, и нож со звоном падает на пол. Еще взмах - трещат ребра. Это не уличная драка ради самоутверждения, это хирургия. Лекси схватила с витрины толстую стеклянную бутылку из-под газировки и с размаху разбила ее о край стального прилавка. «Розочка» в ее руке

выглядела устрашающе.

Один из нападавших попытался зайти нам со спины, но подруга услышала шаги - слух у нее всегда был острее моего. Она резко обернулась и полоснула мужчину осколком по лицу, от уха до рта. Кожа разошлась, обнажая мясо. Дикий вопль боли эхом разнесся по пустой заправке.

Осознав, что добыча оказалась им не по зубам, а численное преимущество растаяло под градом точных, калечащих контратак, оставшиеся на ногах парни дрогнули. Инстинкт самосохранения победил жажду наживы. Они попятились к выходу, закрывая руками окровавленные лица. Не давая им опомниться, я сделала выпад вперед, вложив всю массу в последний удар битой по ключице главаря. Звук был такой, будто сломали сухую ветку. Агрессоры окончательно запаниковали и выкатились на улицу, бросив своих раненых.

Двигатели взревели, покрышки взвизгнули, оставляя черные следы на асфальте. Внедорожники сорвались с места и исчезли в утренней дымке так же стремительно, как и появились. На заправке снова воцарилась тишина, но теперь она была другой - плотной, звенящей от адреналина и запаха свежей крови.

Мы тяжело дышали, сжимая свое импровизированное оружие. Посмотрели друг на друга: ссадины на скулах, содранные костяшки, порезы на руках Лекси от разбитого стекла, но ничего серьезного. Мы не просто выжили. Мы победили. Переглянувшись с мрачной решимостью во взгля-

дах, я поняла без слов: этот мир сломает многих, переломает кости миллионам, но наши хребты ему не по зубам.

Сев в машину, я почувствовала, как тело начинает мелко, противно дрожать - отходняк после выброса кортизола. Повернула ключ. Мотор сыто заурчал.

- Поверить не могу, что у нас получилось, - нервный смешок вырвался сам собой, пока я выводила джип с парковки.

- Сама в шоке, - Лекси откинулась на сиденье, потирая напряженную шею. Ее все еще трясло мелкой дрожью. - Думала, всё. Конец. А они... они просто развернулись и сбежали.

- Это нормально. Шок. Адреналиновый отходняк, - проговорила я, выезжая на трассу. Руки на руле едва слушались.

- Я читала об этом. Мозгу нужно время понять, что тушка цела.

- Спасибо тебе... - тихо сказала она, глядя в окно на проносящиеся мимо мертвые деревья. - Если бы не твой локоть, я бы там осталась. Вместе с ними.

- Мы друг у друга есть. Это главное. Всё позади, - я сжала ее ледяную ладонь в перчатке на пару секунд.

- Поехали. Бункер еще слишком далеко.

Внедорожник, натужно ревя перегретым мотором, медленно полз по федеральной трассе. Для нас это был не просто маршрут из точки А в точку Б. Это был мучительный коридор через призраки прошлого мира. Солнце, едва пробивающееся сквозь плотную серую завесу пепельных облаков,

висело в небе тусклым, безжизненным медным диском.

Дорога превратилась в бесконечное кладбище автомобилей. Брошенные легковушки, междугородние автобусы с логотипами турфирм и огромные фуры стояли так плотно, сцепившись бамперами в чудовищных авариях, что местами образовывали непроходимые стальные завалы. Нам приходилось постоянно петлять, выезжая на раскисшую от мороси обочину, где земля была изрыта глубокими колеями от гусениц тяжелой военной техники, прошедшей здесь неделю назад.

Вокруг стояла оглушающая, давящая на перепонки тишина, нарушаемая лишь натужным гулом нашего двигателя и скрежетом гравия под колесами. В салонах некоторых машин все еще виднелись силуэты - водители и пассажиры, навсегда застывшие в позах абсолютного ужаса или смирения. Лекси старалась не смотреть на них, намертво уставившись в свой планшет с картой.

Внезапно двигатель чихнул, теряя тягу. Стрелка температуры дернулась и поползла в красную зону.

- Черт! - процедила Лекси сквозь зубы, щелкая тумблером климат-контроля. - Радиатор забит пылью и ошметками резины. Система охлаждения не справляется.

Мы сбросили скорость до минимума. Теперь мы ползли медленнее пешехода, становясь идеальной мишенью.

И только сейчас, с высоты капота внедорожника, стало видно истинное, страшное лицо этого апокалипсиса. Обочи-

ны трассы были черны от людей. Это был не организованный поток беженцев, ведомый армией, а хаотичное, слепое движение отчаявшихся теней.

Мать с серым, изможденным лицом толкала перед собой детскую коляску, в которой вместо ребенка лежал набитый каким-то тряпьем рваный рюкзак. Старик в лохмотьях брел вдоль разделительного отбойника, опираясь на кусок ржавой арматуры как на пастуший посох. Люди смотрели на нашу проезжающую машину снизу вверх. Кто-то - с тупой, голодной злобой, провожая взглядами наши колеса. Кто-то - с безумной, животной надеждой.

Когда внедорожник поравнялся с группой мужчин, сгрудившихся у костра из горящих шин, один из них - высокий мужчина с лицом, покрытым черной копотью - резко вскочил. Он бросился наперерез машине. Он не пытался остановить ее силой, не целился из ружья. Он просто упал на колени прямо перед бампером, нелепо раскинув руки, готовый подставиться под многотонную махину.

- Стойте! - заорал он хрипло, его голос сорвался на визг.
- Прошу! У меня дети в машине! Они умирают!

Лекси инстинктивно вжалась в сиденье, выставив руки перед собой. Я ударила по тормозам. Педаль ушла в пол. ABS жалобно запищала, заблокировав колеса в грязи. Машина замерла. Наступила ватная тишина, прерываемая лишь шипением пара из-под капота. Мужчина подполз ближе к моей двери, его глаза слезились от дыма.

- Воды... ради всего святого... хоть каплю... глоток...

Лекси молча отстегнула ремень, порылась в своем рюкзаке и протянула ему полупустую пластиковую бутылку. Мужчина схватил ее трясущимися, черными от мазута руками, прижал к губам и сделал несколько жадных, захлебывающихся глотков, проливая драгоценную воду на заросший подбородок.

- Спасибо... спасибо... - прошептал он, отползая в сторону, в грязь, давая понять, что путь свободен.

Я повернула ключ. Двигатель кашлянул, но завелся. Мы тронулись. Проехали мимо его машины - старого семейного универсала с выбитыми стеклами и спущенными колесами. Внутри, укутанные в какие-то вонючие одеяла, действительно сидели двое детей. Мальчик лет пяти и девочка помладше. Они даже не повернули головы на звук мотора. Их глаза были абсолютно пустыми.

Дальше дорога стала еще хуже. Пробка превратилась в сплошную стену из искореженного металла. Пришлось свернуть на проселочную дорогу, которая шла параллельно трассе через перепаханное поле. Здесь было еще страшнее: запах гари смешивался с густым, сладковатым смрадом разложения. То тут, то там у обочины виднелись свежие холмики рыхлой земли, кое-как прикрытой лапником - импровизированные могилы тех, кто не дошел.

К вечеру датчик температуры снова опасно пополз в красную зону. Черный дым повалил из-под решетки радиатора.

Нам пришлось остановиться у сгоревшего остова огромной фуры, чтобы дать мотору остыть естественным путем. Мы сидели в кабине в полной тишине, глядя на бесконечную вереницу огней вдали. Горящие сотни костров вдоль трассы сливались в одну огненную реку.

- Мы не одни такие умные, - тихо сказала Лекси, глядя на этот адский караван внизу. От ее недавнего страха не осталось и следа, теперь в глазах была только свинцовая усталость.

- Почти приехали, - я кивнула в сторону горизонта, где сквозь сизую дымку проступали темные, острые силуэты высоток Ламера. - Вон там. Видишь?

Внедорожник снова взревел, плюясь паром, и двинулся вперед, оставляя за собой шлейф жирной пыли и последнюю надежду тех, кто остался стоять на обочине этого мертвого, замерзшего мира.

Глава 8: Маяк в темноте

Солнце висело над Ламером, как перезрелый апельсин - огромное, багровое и безжалостное. Оно плавило остатки асфальта на проспекте Победы, превращая трещины в черные реки гудрона.

Наш старый «Вранглер», покрытый серой цементной пылью и глубокими царапинами от веток, медленно полз по мертвому городу. Я сидела за рулем, пальцы побелели, намертво вцепившись в пластик руля. На соседнем сиденье лежал обрез двустволки двенадцатого калибра, а под потолком, закрепленные кожаными ремнями, ждали своего часа два тяжелых мачете. Мы решили подготовиться к въезду в город, наполненный неприятностями, которые обязательно встретятся - в этом я даже не сомневалась.

Мой взгляд скользил только вперед, выискивая взглядом не столько дорогу, сколько угрозу: открытые люки, подозрительные тени в разбитых витринах, блеск оптики.

На заднем сиденье, съехившись между рюкзаками, ехала Лекси. В отличие от меня, она постоянно крутила головой. Ее взгляд цеплялся за детали распада: выбитые окна торгового центра «Горизонт», перевернутый школьный автобус с нарисованными на борту мультяшными зверятами, заросли дикого плюща, поглотившие фасад библиотеки вместе со всей ее мудростью.

- Левее бери, там завал из машин перекрыл проспект, - тихо сказала Лекси, подавшись вперед так, что ремень безопасности туго натянулся.

«Вранглер» рыкнул, тяжело переваливаясь через груды искореженного металла, бывшего когда-то рейсовым автобусом. В салон сквозь щели уплотнителей просочился запах: гарь, сухая пыль и что-то сладковато-гнилое, исходящее от куч мусора у обочин.

- Ненавижу этот город, - процедила я сквозь зубы, сбрасывая скорость перед перекрестком, где ветер гонял пожелтевшие газеты. - Слишком много открытого пространства. Мы здесь как мишени в тире.

- Зато припасов должно быть больше, - возразила Лекси, хотя голос ее звучал неуверенно. Она поправила ремень своей винтовки, упирающейся прикладом в пол. - Несколько дней на консервах Джеймса... Я бы сейчас убила за кусок свежего хлеба, Кир. Настоящего, с корочкой.

- Если найдешь свежий хлеб в Ламере, я съем свои берцы, - фыркнула я, переключая передачу.

Мы въехали на площадь перед бывшим кинотеатром «Победа». И тут двигатель чихнул. Раз, другой. Тягу сорвало. Я грязно выругалась и ударила кулаком по приборной панели.

- Бензин кончается.

- Говорила тебе, надо было сливать с того универсала на выезде, - вздохнула Лекси, барабанила пальцами по колену.

- Там присохший труп водителя был! - огрызнулась я. -

Мне блевать хотелось от запаха разложения, какое там «сливать»!

Пока мы препирались, со стороны разбитой витрины магазина оптики раздался шорох. Не агрессивный шелест пластика, а тяжелый, шаркающий звук человеческих шагов, волочащих ноги. Из глубокой тени вышли двое. Мужчина и женщина. Они выглядели так, словно их пропустили через мясорубку, достали, стряхнули пыль и заставили идти дальше. Мужчина держал в руках тяжелую строительную арматуру. Его куртка была порвана на плече, обнажая грязный бинт, пропитанный бурым. Лицо осунувшееся, покрытое жесткой седой щетиной. Женщина шла, опираясь на него всем весом. Одной рукой она придерживала огромный живот, туго натянувший ткань старой олимпийки. Срок был большой, ей рожать со дня на день. Второй рукой она безвольно волочила по растрескавшемуся асфальту пустую пластиковую канистру.

Завидев машину, мужчина вскинул свое оружие, принимая оборонительную стойку, но его руки дрожали от крайнего истощения. Женщина же просто закрыла глаза и медленно опустилась на одно колено, тяжело дыша открытым ртом.

- Стоять! - рявкнула я, открывая дверь ровно настолько, чтобы выставить ногу наружу, готовая стрелять поверх капота при малейшем движении.

- У них стволов нет, Кир, - тихо сказала Лекси, всматриваясь через мое плечо. Прицел ее винтовки замер на лице

мужчины. - Они еле дышат.

- Топливо... - прохрипел мужчина. Голос был сорван до хриплого шепота. - Хоть литр. Пожалуйста. Или вода, - добавила женщина, не поднимая головы. - Хоть глоток. Ребенок...

Я вышла из машины полностью, демонстративно положив обрез на горячий капот, но оставаясь напряженной, как струна.

- Бензина нет, самим мало, - бросила я жестко, доставая из бокового кармана двери полторашку воды. - Вода есть. Забирайте и проваливайте. Нам некогда.

- Вы не понимаете... - мужчина сглотнул, глядя то на нас, то куда-то в сторону высоток бизнес-центра. Его била мелкая дрожь переохладения или отходняка. - Вы их видели?

- Кого «их»? - нахмурилась Лекси, выходя вслед за мной и вставая чуть позади моего плеча. - Мародеров? Так мы вооружены, дядя. Шел бы ты лесом, пока цел.

Женщина подняла голову. Ее глаза были красными, воспаленными, лишенными ресниц. Она посмотрела на нас с такой смесью жалости и отчаянья, что Лекси невольно сделала полшага вперед, забыв про свою агрессию.

- Они везде, - прошептала женщина. Губы потрескались до крови. - В домах. В подвалах. На улицах. Днем прячутся от света, боятся солнца. А когда темнеет... они выходят. Им не нужна еда. Им нужно тепло. Живое человеческое тепло.

- Ты бредишь от обезвоживания, мать, - устало вздохну-

ла я, протягивая бутылку. - Держите свою воду. И дай нам проехать.

- Нет! - вдруг резко вскрикнул Курт (мы поняли имя только потому, что женщина судорожно выдохнула: «*Курт, титше!*»).

- Не уезжайте! Солнце садится! Через полчаса стемнеет! Если вы останетесь в этой машине посреди площади - вы трупы!

Я замерла с протянутой бутылкой. Лекси перестала улыбаться. Веселье последних минут испарилось мгновенно, сменившись липким холодом непонимания.

- О чем он говорит? - спросила Лекси, кладя руку на рукоять пистолета, который теперь всегда был у нее в кобуре на поясе.

- Какие зомби, парень? Очнись. Это радиация или химия после взрывов. Галлюцинации.

- Это не галлюцинации! - истерично дернулся Курт, делая шаг к нам, но жена схватила его за рукав штанины мертвой хваткой, заставляя замолчать.

- Послушайте, мы жили в Северном районе. Когда начались бомбежки, мы спустились в убежище под домом. Электричество умерло сразу. Связи не было. Три дня мы сидели там. Потом закончилась еда. Мой брат пошел наверх... проверить улицу.

Голос мужчины упал до свистящего, безумного шепота:

- Он открыл гермодверь. Было светло. И они стояли пря-

мо за ней. Десятки. Абсолютно голые. Белая кожа, как воск. Глаза... одни красные провалы. Они даже не смотрели на него. Они слушали звук замка. А потом... они разорвали его. За секунды. Просто втянули внутрь. Мы слышали только хруст костей.

Женщина заплакала беззвучно, уткнувшись лицом в колени. Слезы оставляли светлые дорожки на ее грязных щеках.

- Они заразны, - выдавил Курт, глядя жену по спутанным волосам. - Их биологический материал... если они укусят или поцарапают, человек начинает меняться через час. Горячка, агрессия, потом потеря разума. А главное... они идут на пульс. На сердцебиение. Ваша машина... ваш мотор... для них это маяк в темноте. Как сирена для акул.

Мы переглянулись. Теперь нам стало страшно по-настоящему. Это была не паника мародера, боящегося пули. Это был холодный, системный ужас выжившего, столкнувшегося с новым законом природы.

«Он сумасшедший?» - читалось в моих глазах. *«Или мы лезем в пасть к чему-то похуже бандитов?»* *«Смотри на нее»*, - ответил взгляд Лекси, кивнув на женщину. - *«Она беременна. Люди не симулируют такое отчаяние ради бутылки мутной воды»*.

- Ладно, - первой нарушила тишину я. Мой голос стал глухим, севшим. - Допустим, мы верим. Что делать? Где безопасно?

- Под землей, - мгновенно ответил Курт, выпрямляясь. Дрожь в его руках почти прошла - появился смысл бороться. - Глубоко. Канализация старого фонда. Или старые холодильные склады мясокомбината на восточной окраине. Толстый бетон, минимум окон. Но туда надо доехать. До заката осталось минут двадцать. Они чувствуют вибрацию двигателя. Если заведете тачку здесь - сбежится вся округа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.